

Александр Васькин

*Путеводитель
по пушкинской
Москве*

Александр Васькин

**Путеводитель по
пушкинской Москве**

«Автор»

2016

УДК 908

ББК 26.89(2-2Мос):83.3(2Рос=Рус)1-8 Пушкин А.С.

Васькин А. А.

Путеводитель по пушкинской Москве / А. А. Васькин —
«Автор», 2016

ISBN 978-5-9973-3700-1

Новая книга Александра Васькина погружает читателя в удивительный и чарующий мир пушкинской Москвы, позволяя совершить увлекательную прогулку по родному городу поэта. Мы побываем на Тверской и Большой Никитской, на Покровке и Поварской, на Арбате и Мясницкой и еще по многим другим адресам, помнящим Пушкина. Кроме, собственно, интереснейшей экскурсии по Москве девятнадцатого века, которой является книга, она дает ответы и на множество волнующих вопросов. Где родился Пушкин, как он рос, каким ребенком он был? Как встретила его Москва после пятнадцатилетней разлуки, и что сказал ему Николай I во время памятной встречи в Кремле в 1826 году? Каковы были взаимоотношения поэта с родным городом, часто ли он баловал Первопрестольную своим вниманием? Как писал стихи и кому посвящал их, с кем встречался, с кем дружил, кого ненавидел, что делал, что пил и ел, как ходил в баню и объедался блинами, как проводил свое время на балах и в театрах, много ли проигрывался в карты, как сватался к Наталье Гончаровой? Читатели узнают также и о судьбе домов, в которых бывал и жил Пушкин. Как они выглядели в его эпоху, что стало с ними и их владельцами в дальнейшем... Все это позволяет назвать книгу Александра Васькина еще и своеобразной московской биографией поэта. «Путеводитель по пушкинской Москве» написан живым русским языком, снабжен массой иллюстраций (в т. ч. архивных) и алфавитным указателем.

УДК 908

ББК 26.89(2-2Мос):83.3(2Рос=Рус)1-8 Пушкин А.С.

ISBN 978-5-9973-3700-1

© Васькин А. А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

«Его носили на руках»	8
1799–1811	25
«В начале жизни школу помню я...»	25
«На уроки танцевания к Трубецким»	37
«В московском саду графа Бутурлина»	43
1826	51
«Василья Львовича узнал ли ты манер?»	51
«Октября 12 поутру, спозаранку мы ожидали Пушкина»	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Анатольевич Васькин Путеводитель по пушкинской Москве

Александр Пушкин, 1822 г. (художник Е.И. Гейтман)

Каким увидели московские обыватели Александра Пушкина осенью 1826 года? Вероятно, большая их часть представляла себе поэта как на портрете из первого издания «Кавказского пленника» – кудрявым пухлым юношей с приятною улыбкой, воспевавшим «края Москвы, края

родные». Но это был уже совершенно другой человек, написавший вскоре: «Москва оставила во мне неприятное впечатление...»

© Васькин А.А., 2016

«Его носили на руках»

В сентябре 1826 г. жизнь в Москве, «губернском городе, получающем журналы мод»¹, оживилась необыкновенно, но не только в связи с пребыванием в старой столице Николая I, приехавшего на коронацию.

«Пушкин приехал», – зазвучало во многих домах и квартирах. «Пушкин приехал», – закрипели перьями московские литераторы в своих дневниках. Собственно, коронация нового императора и привела Пушкина в Первопрестольную, – правда, весьма опосредованно. Его Величество пожелало встретиться с опальным поэтом в это, особо торжественное для себя время. Причем именно в Москве, в Малом Николаевском дворце Кремля (дворец в 1929 г. снесен вместе с Чудовым и Воскресенским монастырями).

В чем же истинная причина неожиданно проявившегося у Николая I желания лично познакомиться с поэтом? Вспомним, что за время стояло на дворе: только-только управились с декабристами, 13 июля 1826 г. повесили Пестеля, Рылеева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского. Поначалу их приговорили к четвертованию – самой жуткой на тот момент казни в России, а еще тридцать одного участника восстания – к отсечению головы. Но государь смилостивился, заменив четвертование повешением.

Николаю I, ставшему императором неожиданно для себя самого (письмо об отречении брата Константина от него долго скрывали; видимо, Александр I все еще надеялся на рождение сына), совершенно не хотелось начинать свое царствование с казни, да к тому же публичной. Многие еще помнили казнь Пугачева на Болотной площади. Николай сделал все, дабы не привлекать общественного внимания к самому факту казни, засекретив ее время и место. Скрупулезно подошли к отбору палачей, а ритуал разработал сам император. Декабристов должны были повесить в три часа ночи, но непредвиденные обстоятельства отсрочили казнь на ранний утренний час.

Белые ночи! В белые одежды обрядили и приговоренных. У троих повешенных в момент казни оборвались гнилые веревки – примета жуткая, свидетельствующая не только о невинности, но и о неустойчивости самой власти, не готовой, боящейся открыто противостоять оппозиции. Николай I, новоявленный император, и вешать-то еще не научился. Пока не купили новые веревки в соседних к Петропавловской крепости купеческих лавках, трое приговоренных ждали своей участи.

Как ни старались, весть о казни быстро вырвалась за стены крепости и пределы Петербурга. 20 июля Петр Вяземский в письме к жене передает подробности: «О чем ни думаю, как ни развлекаюсь, а все прибывает меня невольно к пяти ужасным виселицам, которые для меня из всей России сделали страшное лобное место... Знаешь ли лютые подробности сей казни? Трое из них: Рылеев, Муравьев и Каховский – еще заживо упали с виселицы в ров, переломали себе кости, и их после этого вызвали на вторую смерть. Народ говорил, что, видно, бог не хочет их казни, что должно оставить их, но барабан заглушил вопль человечества, и новая казнь совершилась».

Пушкин узнает об этом 24 июля, о чем свидетельствует зашифрованная запись под белым автографом элегии «Под небом голубым страны своей родной». Сразу и не разберешь, что написал поэт: «Уос. Р. П. М. К. Б: 24». А вот как это расшифровывается: «Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева 24 <июля 1826 года>».

А еще Пушкин рисует виселицу с пятью повешенными декабристами и незаконченной строкой: «И я бы мог как [шут ви...]», что можно трактовать как толкование поэтом процедуры

¹ Из письма Пушкина от 22 октября 1831 г., из Петербурга в Москву, П. Нащокину.

казни в виде шутовского представления. Шуты – декабристы, развлекающие таким образом своего скучающего монарха.

Всех повешенных он знал, особенно хорошо Кондратия Рылеева, у которого подозревал «истинный талант» сочинителя. Александру Сергеевичу понравилась его дума «Войнаровский», на полях рукописи в сцене, изображающей казнь Кочубея, он написал: «Продай мне этот стих!». В дальнейшем это нашло отражение в «Полтаве». А в последнем письме, отправленном Пушкину незадолго до восстания, Рылеев обратился к нему чуть ли не с благословлением: «На тебя устремлены глаза России... Будь поэт и гражданин».

А как же повела себя Москва в декабре 1825 г.? Московские декабристы в отличие от своих петербургских единомышленников не решились поднять восстание и арестовать генерал-губернатора князя Д.В. Голицына. То были трудные дни междуцарствия и неуверенности в будущем, питавшейся слухами и домыслами, доходившими из Петербурга. В ночь с 16 на 17 декабря 1825 г. Голицын наконец-то получил письмо от Николая I, в котором говорилось: «Мы здесь только что потушили пожар, примите все нужные меры, чтобы у вас не случилось чего подобного».

Привезший пакет от царя генерал-адъютант Евграф Комаровский позднее вспоминал: «Я приехал в Москву в ночь с четверга на пятницу и остановился у военного генерал-губернатора князя Голицына. Он мне сказал, что ожидал меня с большим нетерпением, ибо в Москве уже разнесся слух о восшествии императора Николая Павловича на престол, а между тем официального известия он не получал. Князь Голицын послал за старшим обер-прокурором правительствующего сената московских департаментов, князем Гагариным, чтобы повестить господ сенаторов собраться в сенат для выслушания манифеста о восшествии на престол императора Николая I, и к архиепископу Филарету – для приведения к присяге в Успенском соборе в восемь часов утра. Я поехал с князем Голицыным в одной карете в сенат, где мне дан был стул. По прочтении манифеста и всех приложений, отправились в Успенский собор».

Генерал-губернатор «нужные меры» принял: 18 декабря в Успенском соборе москвичи торжественно присягнули новому императору. Николай остался очень доволен Голицыным и тем, как присягнула Москва. Особенно порадовал его подарок московского купечества, преподнесенный Комаровскому, – вызолоченный кубок на блюде, весьма древней работы, с тысячью червонцами и надписью: «Вестнику о всерадостнейшем восшествии на престол императора Николая Павловича от московского купечества». Очень приятно было слышать самодержцу, что «московские купцы называют наследника престола – своим кремлевским, ибо его высочество действительно родился в стенах сего знаменитого и древнего жилища наших царей».

Для Николая это были не пустые слова: чем ниже ему кланялась Москва, тем больше надеялся он, что не пожар, а даже искра вечно строптивой старой столице не вспыхнет. Недавно писал современник: «В Москве высшее сословие или, лучше сказать, люди высшего образования, смотрели на это событие иначе, чем в провинции. Кроме весьма естественного сочувствия либеральным идеям, многие, весьма многие семейства лишились своих лучших членов, которые по прямому или косвенному участию в заговоре или даже по тесной связи с обвиняемыми были взяты».

Вот почему царь так щедро отблагодарил московские власти, на Рождество Христово 1825-го года пожаловав князю Дмитрию Владимировичу Голицыну высший орден Российской империи – Святого апостола Андрея Первозванного. Как сказано было в высочайшем рескрипте, Голицына наградили «в ознаменование того постоянного уважения, которым он пользовался от Императора Александра I, и сохранение в первопрестольной Столице примерного порядка, сопряженного с истинною пользою Отечества».

Это слово – «порядок» – станет одним из основополагающих девизов николаевского царствования, символом самодержавия. Порядок требовал, чтобы коронация состоялась в Москве,

куда и отправился Николай I. Торжества растянулись почти на месяц и начались с церемонии коронации, или «коронования» (как тогда выражались), состоявшейся в Успенском соборе Кремля 22 августа 1826 г. Программа оказалась, как всегда, насыщенной и включала в себя представление императору и императрице Синода, Сената и иностранных послов, а также военных, придворных, предводителей дворянства, купечества и прочей челяди. Ну и конечно, балы – сначала в Грановитой палате 27 августа, затем в Благородном собрании 6 сентября, потом в домах богатейших московских вельмож. А еще торжественные обеды и маскарад в Большом театре. Чтобы их величества не устали, дни напряженной работы на балах и ужинах чередовались днями отдыха.

Автопортрет

Мрачное настроение государя то ли передалось москвичам, то ли, напротив, было вызвано настороженным отношением Москвы к царю. Все всё понимали, но вслух старались не произносить. Николаю очень хотелось, как говорится, сменить пластинку на что-то более оптимистичное. Актуальным стал вопрос о необходимости корректировки курса (выражение-то какое!) или хотя бы о намерениях. Но как это продемонстрировать? Посыл обществу должен

быть знаковым, после чего сомневающиеся задумаются – а уж такой ли лютый тиран Николай Павлович? И хочет ли он действительно превратить Россию в одну большую Петропавловку? Быть может, он не такой и деспот, а, скорее, вынужден был на время им стать вследствие возникших обстоятельств непреодолимой силы и «временных трудностей». На самом деле он другой (вот и либерала Жуковского назначил воспитателем наследника престола). И даже сочувствует некоторым пострадавшим, «сообразуясь с Высокомонаршим милосердием, в сем самом деле явленным смягчением казней и наказаний, прочим преступникам определённым», – так говорилось в приговоре суда над декабристами.

А тут как раз письмо Пушкина под руку попало. Поэт писал «Всемиловитейшему государю» 11 мая 1826 г.: «В 1824 году, имев несчастье заслужить гнев покойного императора <...>, я был выключен из службы и сослан в деревню, где и нахожусь под надзором губернского начальства.

Но это все официальная хроника. А что же было между строк? По словам очевидца, коронационные торжества проходили в тени декабристских казней: «Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми, нет возможности: словно каждый лишился своего отца или брата. Вслед за этим известием пришло другое о назначении дня коронации Императора Николая Павловича. Его приезд в Москву, самая коронация, балы придворные, а равно балы у иностранных послов и у некоторых Московских вельможей, – все происходило под тяжелым впечатлением совершившихся казней. Весьма многие оставались у себя в деревнях; и принимали участие в упомянутых торжествах только люди, к тому обязанные по службе. Император был чрезвычайно мрачен; вид его производил на всех отталкивающее действие; будущее являлось более чем грустным и тревожным».²

Ныне с надеждой на великодушие Вашего императорского величества, с истинным раскаянием и с твердым намерением не противуречить моими мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпискою и честным словом) решился я прибегнуть к Вашему императорскому величеству со всеподданнейшею моею просьбою.

Здоровье мое, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края.

Всемиловитейший государь, Вашего императорского величества верноподданный Александр Пушкин.

Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь никаким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них».

Аневризмом поэт называет расширение вен на ноге, о котором он периодически вспоминал, надеясь под предлогом лечения этой якобы смертельной болезни улизнуть в Европу. Так случилось и в этот раз: Пушкин готов на все: и здоровьем поклясться, и припасть к стопам, и раскаяться, и дать честное благородное слово, – лишь бы выпустили.

² Кошелев А.И. Записки. 1884. С. 15–16.

*Николай I.
Рисунок А.С. Пушкина*

Это покаянное письмо показалось Николаю I на редкость правдивым и, главное, очень кстати. И то, что уже 28 августа государь соизволил «высочайше Пушкина призвать сюда», свидетельствует о назревшей необходимости скорой доставки поэта в Москву. Почуял царь, что и место, и время для публичного прощения Пушкина подходит как нельзя кстати. Не в Петербурге его надобно принять, где в толпе жаждущих попасть на царскую аудиенцию поэт может и затеряться, а именно в Первопрестольной, превратив долгожданную встречу в историческую, сделал ее частью коронационных торжеств. В Петербурге он казнил, а в Москве простит.

Как только до Михайловского дошла депеша, Пушкин немедля собрался и 4 сентября поутру выехал в Москву. Везли его вроде и не под конвоем, но и глаз не спускали: согласно указаниям царя, поэт должен был добраться до Москвы «в своем экипаже, свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта». Пушкина доставили к царю незамедлительно в 4 часа пополудни 8 сентября 1826 г., прямо с дороги, он даже не завез багаж в гостиницу.

Разговор получился теплый. «Я, – говорил государь, – впервые увидел Пушкина после моей коронации, когда его привезли из заключения в Москву совсем больного и покрытого ранами – от известной болезни. Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге? – спросил его между прочим. – Стал бы в ряды мятежников, – отвечал он. На вопрос мой, переменялся ли его образ мыслей и даёт ли он мне слово думать и действовать иначе, если я пушу его на волю, он наговорил мне пропасть комплиментов насчёт 14 декабря, но очень долго коле-

бался прямым ответом и только после длинного молчания протянул мне руку, с обещанием – сделаться другим», – рассказывал М.А. Корф.

Царю и поэту было о чем поговорить. Познакомиться они могли бы еще в 1811 г., ибо Царскосельский лицей и создавался с целью воспитания в нем братьев Александра I, дабы избавить их от тлетворного влияния матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Но не сложилось: Николая и Михаила растил граф Матвей Ламздорф, сторонник жестких педагогических методов и даже рукоприкладства. А Пушкина нянчила сказочница Арина Родионовна, тоже не последний человек.

Представ пред светлыми государевыми очами, Александр Сергеевич вышел от монарха «умнейшим человеком в России». Николай I словно специально сказал это вечером на балу Д.Н. Блудову после встречи с Пушкиным 8 сентября 1826 г. Слова эти тотчас разошлись по Москве.

Пушкин дал большую пищу не только москвичам, но и исследователям своего творчества и этим письмом, и своим разговором с царем. И всегда его пытались оправдать, подверстать под господствовавшую идеологию. Каждый трактовал Пушкина так, как было нужно. В частности, Ю. Лотман утверждал, что Пушкин «желал направить молодого государя на путь реформ». Но вряд ли поэт мог иметь такое огромное влияние на царя, чтобы куда-то его направлять. Николай I и стихи его не читал до этого разговора, а вот декабристы читали Пушкина. «В бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством», – писал Жуковский Пушкину 12 апреля 1826 г. из Петербурга.

Думается, итоги беседы устроили обоих. Николай был рад тому, что проект «Пушкин» удался. Он и вызвал-то его к себе не только как поэта, а как яркого выразителя общественного мнения, которое Николаю было совсем не безразлично после казни декабристов. Простив Пушкина, он будто приручил его, сделав «своим» поэтом (словцо Николая), с чем Александр Сергеевич согласился.

А Пушкин – он «подружился с правительством», получил разрешение проживать в Москве и освобождение от общей цензуры. А что еще надо изголодавшемуся в провинции поэту? В Михайловском даже сыру приличного не было, что однажды заставило Александра Сергеевича просить своего брата Льва прислать этот редкий продукт (жаль, что после отъезда Пушкина Арина Родионовна его выбросила – плохо пахло!).

Отныне его цензором стал сам Николай I, что ставило поэта в особое привилегированное положение – жаловаться на цензуру государя оставалось только Господу Богу. Естественно, что такой ход событий заведомо определял Пушкина в число сторонников царя, а как же иначе – получить такое доверие монарха не могло означать ничего иного.

И если Николай I лишь выразился про «умнейшего» человека на словах, то поэт, отдавая должное, отразил свои впечатления в стихотворении «Стансы», опубликованном в январе 1828 г. в «Московском вестнике»:

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.*

*Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгоруккой.*

Самодержавною рукой

*Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.*

*То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.*

*Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращурю подобен:
Как он, неумолим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.*

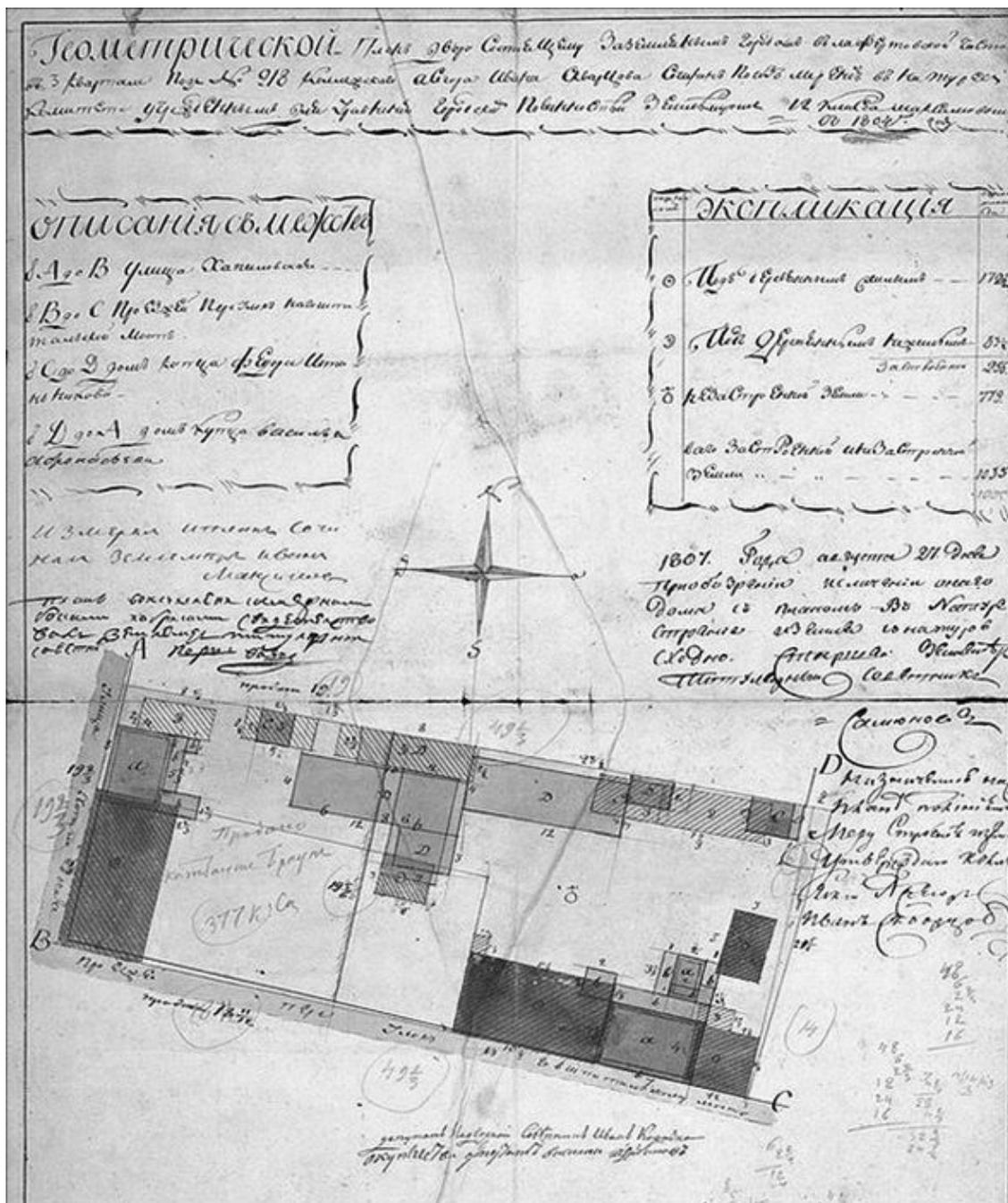
После встречи с государем поэт был настолько воодушевлен, что позволил себе сравнить Николая Павловича с Петром Великим. А казни – это ничего, вон Петр самолично рубил головы стрельцам, а сколько дел наворотил, в Европу целое окно прорубил (до сих пор из него дует), а ради этого можно и потерпеть немного.

Итак, везли Пушкина на коронацию Николая I, а привезли на его собственную коронацию – первого поэта России. Уехавший из Москвы двенадцатилетним мальчиком, он вернулся в родной город «идолом народным»: «Москва приняла его с восторгом. Везде его носили на руках. Слава Пушкина гремела повсюду; стихи его продавались на вес золота, едва ли не по червонцу за стих; «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыгане» читались во всех гостиных», – вспоминал А.Н. Муравьев.

Затем, правда, восторг сменился более сдержанным отношением. Как отмечает И.В. Немировский: «Возможно, что Пушкин не вполне осознавал, что в сентябре 1826 г. москвичи и «короновали» его в пику императору». ³

Но это было потом, а пока из Кремля поэт отправился в номера отеля «Европа», располагавшегося в доме Часовникова, в самом начале Тверской улицы (дом этот, естественно, не сохранился). Затем – к дяде на Старую Басманную, затем к... После пятнадцатилетней разлуки с Москвой Пушкин был нарасхват.

³ Немировский И.В. Опрометчивый оптимизм: историко-биографический фон стихотворения «Стансы» // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – СПб., 2004. – Т. XVI/XVII. – С. 148–166.

На старом архивном плане 1804 г., хранящемся в Центральном архиве научно-технической документации г. Москвы, показано владение коллежского асессора Ивана Скворцова. Именно во владении Скворцова и стоял дом, где в 1799 г. родился Александр Пушкин. Двор находился на пересечении современных Малой Почтовой улицы и Госпитального переулка. Сегодня на этом месте – безликое административное здание

Родня близкая и дальняя, арзамасцы, знакомцы по южной ссылке, московские литераторы, бывшие лицеисты, будущие кредиторы по карточным долгам и, наконец, женщины – таков был круг, окольцевавший Пушкина московской осенью 1826 г., и у всех надо было побывать, почитать свои стихи и послушать чужие, засвидетельствовать почтение, оказать внимание, и т. д., и т. п. А сколько новых людей хотело с Пушкиным познакомиться...

Поэтому и мест, связанных с пребыванием Пушкина, было в Москве немало. Прежде всего, это адреса, по которым жил поэт и, главное, где он появился на свет.

До сих пор ломаются копыя об истинном месте рождения Пушкина. Сегодня есть, по крайней мере, три разных адреса, называвшихся ранее в качестве места рождения поэта, и все они – в Немецкой слободе.

Еще в конце XIX в. на доме купцов Ключиных, что стоял в приходе церкви Богоявления в Елохове, была установлена памятная доска, удостоверяющая, что «здесь родился Пушкин».

Затем в 1920-х гг. возник другой адрес – на месте средней школы по улице Бауманской (дом № 40). Школе присвоили имя Пушкина, а в 1967 г. сей факт закрепили еще и установкой бюста поэту.

И, наконец, третий адрес, последний на сегодня, – дом Скворцова, на углу Госпитального переулка и Малой Почтовой улицы. Эта версия была высказана в 1980 г. С.К. Романюком, и с тех пор никто не смог представить аргументов более весомых, чтобы ее опровергнуть. Как бы там ни было, ни один из этих домов не дошел до нашего времени, – цветы принести некуда.

Почти не сохранились и детские адреса Пушкина. А было их во множестве, поскольку ежегодно семейство Пушкиных, не имевшее в Москве собственного дома, переезжало с квартиры на квартиру. Мать Надежда Осиповна якобы не любила долго жить на одном месте. Свою роль играли и материальные трудности. «Благодаря» такому непостоянству, семья Пушкиных сменила больше дюжины квартир в Москве.

Жили Пушкины и в Огородной слободе, где и по сей день пересекаются Харитоньевские и Козловские переулки. Нанимали квартиры в районе Арбата – в Кривоарбатском и Хлебном переулках, на Поварской. Затем на Мясницкой, потом в районе Большой Молчановки и т. д.

С того времени до нас дошел лишь один памятник архитектуры, известный как дворец Юсуповых (или палаты Волкова), где Пушкины жили в 1801–1803 гг. Совсем недавно дворец отреставрировали. И сегодня это один из немногих сохранившихся в Москве архитектурных памятников гражданского зодчества XVI–XVII вв.

Дворец Апраксиных на Покровке, известный как «дом-комод», тоже помнит Пушкина. Сегодня этот чудом сохранившийся, переживший московский пожар 1812 г. дворец является совершенно необычным памятником русской архитектуры позднего барокко второй половины XVIII в. Александр Пушкин бывал здесь на «уроках танцевания».

Усадьба Бутурлина на Яузе была построена еще в середине XVIII в. Как магнитом притягивала маленького Сашу Пушкина известная на всю Москву библиотека графа Дмитрия Бутурлина, – сгоревшая, впрочем, в 1812 г.

В Москве Александр Пушкин прожил до 1811 г., когда в сопровождении дяди Василия Львовича отправился в Санкт-Петербург, в Царскосельский лицей. А вернулся поэт в Москву через полтора десятка лет.

Начиная с 1826 г. Пушкин бывает в Москве часто, словно восполняя столь длительное отсутствие. Но желания остаться здесь на постоянное местожительство у него нет. Уже после первого посещения Москвы он пишет Вяземскому: «Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но все-таки лучше с вами видеться, чем переписываться» (9 ноября 1826 г.).

«У вас в Москве хотят меня заставить даром и исключительно работать журналу. Да еще говорят: он богат, черт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стихистой, а не прадедовскими вотчинами» (ноябрь 1827 г., из Петербурга в Москву, Соболевскому).

Между Пушкиным и Москвой взаимоотношения складывались сложные и неоднозначные. Т. Цявловская писала, что любовь Пушкина к жене надо изучать по письмам, а не по стихам. А мы почитаем и письма, и стихи, в которых говорится о Москве.

В пушкинских стихах мы находим признание в любви к Москве, но написаны они вне ее пределов:

*Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед...*

В письмах поэта вылилось раздражение родным городом:

«Москва – город ничтожества» (26 марта 1831 г., Хитрово).

«Москва мне слишком надоела» (11 апреля 1831 г., Плетневу).

«Меня тянет в Петербург. – Не люблю я твоей Москвы» (10 декабря 1831 г., из письма жене).

«В Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва» (27 августа 1833 г. из Москвы в Петербург, жене).

Похоже, что Пушкину было свойственно олицетворять с Москвой и разочарования, и непонимание коллегами его творческих взлетов, и неудачи на личном фронте («московщина со всеми ее тетками» – выражение приятеля Пушкина Туманского). А обижаться было на что. Кажется, что Москва и Пушкин не поняли друг друга.

«Пушкин очень часто читал по домам своего «Бориса Годунова» и тем повредил отчасти его успеху при напечатании. Москва неблагородно поступила с ним: после неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве и наушничестве и шпионстве перед государем. Это и было причиной того, что он оставил Москву», – писал С.П. Шевырев.

Пушкин вынужден объясняться в стихотворении «Друзьям»:

*Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.*

*Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.*

*О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.*

*Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с мильми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер – и с вами снова я.*

*Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье,
Ему хвалы не воспою?*

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:

*Он горе на царя назовет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.*

*Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещения плод —
Разврат и некий дух мятежный!*

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.*

Пушкин соблюдает правила игры, он по-прежнему благодарен царю за вызов из ссылки, а также надеется на деятельность «секретного комитета 6 декабря 1826 года», который должен был заниматься вопросом о положении крестьян. Мы видим и последствия того разговора в Кремле, выраженные в последней строфе, – Пушкин обязан посылать все свои готовящиеся к печати произведения Николаю I, отчитываться перед шефом жандармов о своих поездках, объясняться перед московским полицмейстером за «Андрея Шенье». Александр Сергеевич и это стихотворение дисциплинированно послал царю, который наложил резолюцию: «Это можно распространять, но нельзя печатать».

Непонимание обывателями всей сути отношений между царем и поэтом московскому свету было вполне свойственно. Москва в то время была сосредоточением «всех отставных, недовольных и уволенных чинов империи, гражданских и военных. Это ядро русской оппозиции. Поэтому почти все люди либеральных убеждений и те, политические взгляды которых не подходят к политике этих дней, удаляются сюда, где они могут сколько угодно критиковать двор, правительство и т. д., не слишком опасаясь какого-либо вмешательства властей», – рассказывал встречавшийся с Пушкиным англичанин Колвилл Фрэнкленд, гостивший в России в 1830–1831 гг. Причем приехал он в Москву из Петербурга и мог, следовательно, сравнивать.

Маленький Саша Пушкин (портрет работы Ксавье де Местра, 1800–1802 гг.)

Да и в императорской столице относительно Москвы иллюзий не испытывали. В 1827 г. впервые пред царские очи был представлен «Краткий отчет общественного мнения», подготовленный III Отделением Собственной Его Величества канцелярии, созданным аккурат в 1826 г. (не нужно, видимо, доказывать прямую связь между вступлением на царство Николая Павловича и учреждением этого нового для страны надзорно-аналитического органа). Жаль, что зачастую Николая I именуют не иначе как «фельдфебелем с оловянными глазами». Особенно часто это герценовское выражение употреблялось раньше, когда надо было подчеркнуть все ужасы проклятого царизма. Но такими ли оловянными были глаза императора? Взгляд-то у него на происходящее в России был вполне трезвым. А иначе зачем бы тогда он приказал составить «Свод показаний декабристов о внутреннем состоянии России»? Этот на редкость правдивый документ стал настольной книгой императора, создавая довольно полную картину «злоупотреблений и беспорядков во многих частях управления». Возможно, что основные положения этого свода обсуждались и на встрече царя с поэтом.

«Июня 8 дня 1799 года крещен Александр Пушкин» в храме Богоявления Господня, что стоял ранее на месте Богоявленского собора в Елохове

Николай I решил создать у себя под боком свой собственный карманный социологический орган, который мог бы регулярно надзирать (подобно золотому петушку царя Додона) и доносить государю обо всем, что творится в его империи. И, конечно, одним из важнейших и главных объектов наблюдения Третьего отделения стала Москва. Уже в первом «Кратком обзоре общественного мнения за 18 27 год» Первопрестольной отведено было особое место. Согласно обзору, высшее общество в России делится на две большие группы: «довольные» и «недовольные». К «довольным» относятся те, кто предан государю и существующему строю, среди них называются Кочубей, Сперанский, Пален, Закревский, то есть те, кто «распространяет благоприятное правительству мнение, но в силу местных условий влияние их невелико и зависит от индивидуальных свойств и умения действовать каждого из них».

Гораздо более многочисленной является группировка «недовольных», состоящая из двух частей: «русских патриотов» во главе с Мордвиновым и «старых взяточников», собравшихся вокруг князя Куракина. Центр фронды, недовольной принимаемыми государем кадровыми решениями, находится в Москве. Среди видных фрондеров – генералы Ермолов и Раевский. Недовольные главным своим орудием выбрали «ропот на немцев», т. е. на иностранцев, назначаемых на высокие посты.

Средний класс (помещики, не служащие дворяне, купцы первых гильдий) ведет себя хорошо: «Именно среди этого класса государь пользуется наибольшей любовью и уважением. Здесь все проникнуто в правильность Его воззрений, Его любовь к справедливости и порядку, в твердость Его характера».

Про чиновников написано совсем немного: «Это сословие, пожалуй, является наиболее развращенным морально. Среди них редко встречаются порядочные люди». Ну что же, отметим мы, отчет действительно отражал реальность. И тем не менее чиновники не опасны, потому как развращены они не политически, а лишь морально.

Наконец, армия. Тут тоже волноваться нечего: «Она вполне спокойна и прекрасно настроена».

Крепостные: «Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи Мессию... Так как из этого сословия мы вербуем своих солдат, оно, пожалуй, заслуживает особого внимания со стороны правительства».

Духовенство: «Государство не может рассчитывать в своих видах на духовенство до тех пор, пока оно не даст ему обеспеченного существования... Духовенство вообще управляется плохо и пропитано вредным духом. Священники в большинстве случаев разносят неблагоприятные известия и распространяют среди народа идеи свободы. Хорошие священники – большая редкость».

Но все это мелочи, вот главная опасность: «Молодежь, т. е. дворянчики от 17 до 25 лет, составляют в массе самую гангренозную часть Империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающийся в разные формы и чаще всего прикрывающийся маской русского патриотизма. Тенденции, незаметно внедряемые в них старшими, иногда даже их собственными отцами, превращают этих молодых людей в настоящих карбонариев. Все это несчастье происходит от дурного воспитания. Экзальтированная молодежь, не имеющая никакого представления ни о положении России, ни об общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов, достигнуть коих у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения. В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева, и только страх быть обнаруженными удерживает их от образования тайных обществ. Злонамеренные люди замечают этот уклон мыслей и стараются соединить их в кружки под флангом нравственной философии и теософии... Главное ядро якобинства находится в Москве, некоторые разветвления – в Петербурге. Но тайные политические общества не образуются без иностранного влияния. Конечно, в массе есть и прекрасные молодые люди, но, по крайней мере, три четверти из них – либералы. Впрочем, надо надеяться, что возраст, время и обстоятельства излечат понемногу это зло».

А чтобы излечение настало быстрее, следует создать для этого необходимые условия, вдохновлять и воодушевлять. Для этого и нужен Пушкин, и пока еще доверие он оправдывает, о чем прочитал император в отчете за 1827 г.: «Литераторы настроены превосходно. Несколько главных вдохновителей общественного мнения в литературных кругах, будучи преданы монарху, воздействуют на остальных».

Но уже в отчете за 1830 г. роль Пушкина воспринимается иначе; оказывается, что либеральная партия находится «под влиянием нескольких литераторов, стремящихся, во что бы то ни стало, овладеть общественным мнением. Кумиром этой партии является Пушкин, революционные стихи которого, как «Кинжал», «Ода на вольность» и т. д. и т. п., переписываются и раздаются направо и налево».

А после смерти Пушкин и вовсе признан чуть ли не главным оппозиционером России: «Пушкин соединял в себе два отдельные существа: он был великий стихотворец и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями Государя, он, однако же, до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъятии оных. Сообразно сим двум свойствам Пушкина образовался и круг его приверженцев: он состоял из литераторов, и из всех либералов нашего общества», – говорится в отчете за 1837 г.

Под благодеяниями, видимо, имеется в виду и царская цензура, и чин камер-юнкера, присвоение которого поэт расценил как унижение («неприлично моим летам»). Тем не менее Петербург, город, убивший Пушкина, им привечался: «Я не раскаиваюсь в моем приезде в Москву, а тоска берет по Петербургу» (6 мая 1836 г.). «В Москве остаться я никак не намерен... После Святой отправляюсь в Петербург... Мне мочи нет, хотелось бы к вам не доехать, а остановиться в Царск. Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей» (26 марта 1831 г.).

Но вернемся в Москву. Каким увидели московские обыватели Пушкина осенью 1826 г., и насколько их ожидания оправдались? Вероятно, большая их часть представляла себе Пушкина как на портрете, помещенном в первом издании «Кавказского пленника» 1822 г., – кудрявым пухлым юношей с приятно улыбкой... В 1826 г. это был уже совершенно другой человек: «Худощавый, с резкими морщинами на лице, с широкими бакенбардами, покрывавшими всю нижнюю часть его щек и подбородка, с тучею кудрявых волос. Ничего юношеского не было в этом лице, выражавшем угрюмость, когда оно не улыбалось. Я был так поражен неожиданным явлением, нисколько не осуществлявшим моего идеала, что не скоро мог опомниться от изумления и уверить себя, что передо мною находился Пушкин», – писал один из впервые увидевших поэта современников.

А те, кто был знаком с Пушкиным ранее, отмечали произошедшие с ним изменения: «Пушкин очень переменялся и наружностью: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженье; впрочем, он все тот же, – так же жив, скор и по-прежнему в одну минуту переходит от веселости и смеха к задумчивости и размышлению».

Да, переменялся Пушкин. Но ведь и Москва изменилась, она стала другой. Восемьсот двенадцатый год, отголоски декабристского восстания, грянувшего в столице в 1825 г.

«Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебо-сольству; некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое из всех провинций съезжалось в нее на зиму...

Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чудак выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину Рошу в карете из кованого серебра 84-й пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургские моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы. Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудачки и проказники – все исчезло: остались одни невесты, к которым нельзя по крайней мере применить грубую поговорку «*vielles comme les gues*» (франц. «стары, как улицы»): московские улицы, благодаря 1812 г., моложе московских красавиц, все еще цветущих розами!

Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона – и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает.

Улицы мертвы; редко по мостовой раздается стук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицмейстеров со своими казаками. Подмосковные деревни также пусты и печальны. Роговая музыка не гремит в рощах Свирлова и Останкина; плоские и цветные

фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травой, а бывало, уставленных мировыми и померанцевыми деревьями.

Упадок Москвы есть неминуемое следствие возвышения Петербурга. Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом. Но обеднение Москвы доказывает и другое: обеднение русского дворянства, происшедшее частью от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротой, частью от других причин, о которых успеем еще потолковать». Такую характеристику дал Пушкин в статье «Путешествие из Москвы в Петербург», написанной в 1833–1834 гг.

С 1826 г. Пушкин приезжал в Москву и на два-три дня, и на несколько недель, и на полгода. Среди сохранившихся зданий, в которых он жил или бывал, выделяются своей архитектурной нарядностью усадьба Малиновских на Мясницкой, Английский клуб на Тверской, церковь «Большое Вознесение», Московский университет на Моховой, Московский главный архив Министерства иностранных дел в Хохловском переулке и немногие другие.

Где-то поэт бывал неоднократно: в гостинице в Глинищевском переулке, в которой останавливался шесть раз, в салоне Волконской на Тверской, на балах в доме генерал-губернатора Голицына. Часто видели Александра Сергеевича в Большом Чернышевском переулке (ныне Вознесенский), где жили его друзья – Вяземский и Баратынский.

Куда-то Пушкин заходил лишь однажды – например, на обед к Уварову в дом на углу Страстной площади и Малой Дмитровки. Единственной была и нанятая Пушкиным квартира на Арбате, куда привез он молодую жену после венчания 18 февраля 1831 г. Бывал поэт и в Большом театре, и в Дворянском собрании, и в Лепехинских банях, что у Смоленского рынка. Все, что удостоил Пушкин своим вниманием в нашем городе, принято нынче называть пушкинскими местами Москвы.

Попытки сохранить пушкинские места Москвы, увековечить их предпринимались неоднократно, чему способствовал и первый столетний юбилей поэта, широко отмечавшийся в 1899 г.; но, кажется, спохватились слишком поздно, – большую часть пушкинских зданий время (а точнее, люди) не пощадило.

Так, пожар 1812 г. уничтожил многие детские адреса Пушкина. Смена владельцев, перепродажа домов – это тоже процесс вредный.

Наконец, советский период – здесь, как говорится, к бабке не ходи. Претворение в жизнь «сталинского плана реконструкции Москвы» сопровождалось всеми вытекающими, а точнее, разрушающими для пушкинской Москвы последствиями. Трещала, лопалась по швам старая Москва.

А затем война, бомбежка столицы в 1941 г. (один из снарядов попал в усадьбу Погодина, уничтожив ее). А после войны – опять разрушение старой Москвы. Взять хотя бы нашумевший снос «дома Фамусова» на Пушкинской (!) площади в 1968 г., в котором поэт бывал у Римских-Корсаковых...

Но ведь был и обратный процесс. Силами многочисленной армии энтузиастов удавалось отвоевывать у разрушителей-строителей пушкинские адреса. Например, арбатский дом, где нынче мемориальная квартира Пушкина, дом Веневитиновых в Кривоколенном, дом Василия Львовича Пушкина на Старой Басманной, освобожденный под музейные цели относительно недавно...

А разрушение старой Москвы, похоже, никогда и не прекращалось. И сегодня это уже не разрушение, а исход. Исход Москвы. И в этом исходе имя Пушкина уже не является охранной грамотой. Потому список утраченной пушкинской Москвы продолжается и сегодня.

В 1997–2002 гг. уничтожен дом Шаховских на Никитском бульваре (XVIII–XIX вв.), где устраивались литературные и музыкальные салоны. Здесь бывал не только Пушкин, но и Гончаров, Грибоедов, Лист и другие.

1799–1811

«В начале жизни школу помню я...»

Большой Харитоньевский пер. 21

«Они жили теперь в порядочном деревянном доме, Юсуповском, рядом с домом самого князя, большого туза. Сергей Львович был доволен этим соседством. Князь, впрочем, редко показывался в Москве. Раз только летом видел Сергей Львович его приезд, видел, как суетился камердинер, открывали окна, несли вещи, и вслед за тем грузный человек с толстыми губами и печальными нерусскими глазами, не глядя по сторонам, прошел в свой дом. Потом князь как-то раз заметил Надежду Осиповну и поклонился ей широко, не то на азиатский, не то на самый европейский манер. Вслед за тем он прислал своего управителя сказать Пушкиным, что дети могут гулять в саду, когда захотят. Князь был известный женский любитель, и Надежде Осиповне было приятно его внимание. Вскоре он уехал».

Юрий Тынянов. «Пушкин»

Князь Н.Б. Юсупов. Рисунок А.С. Пушкина

Дворец Юсуповых – старейшее на сегодняшний день московское здание, связанное с жизнью Пушкина. В основе дворца – палаты XVI–XVII вв. Существующее ныне строение сформировалось в результате неоднократных реконструкций и перестроек из двух первоначально самостоятельных корпусов – восточного со столовой палатой и западного.

Композиция этого интереснейшего памятника московского гражданского зодчества связана с «хоромным» принципом построения. Обращает на себя внимание живописная группировка отдельных разновеликих объемов, крытых порознь кровлями различной высоты и формы, то заслоняющих друг друга, то открывающих новые завораживающие виды.

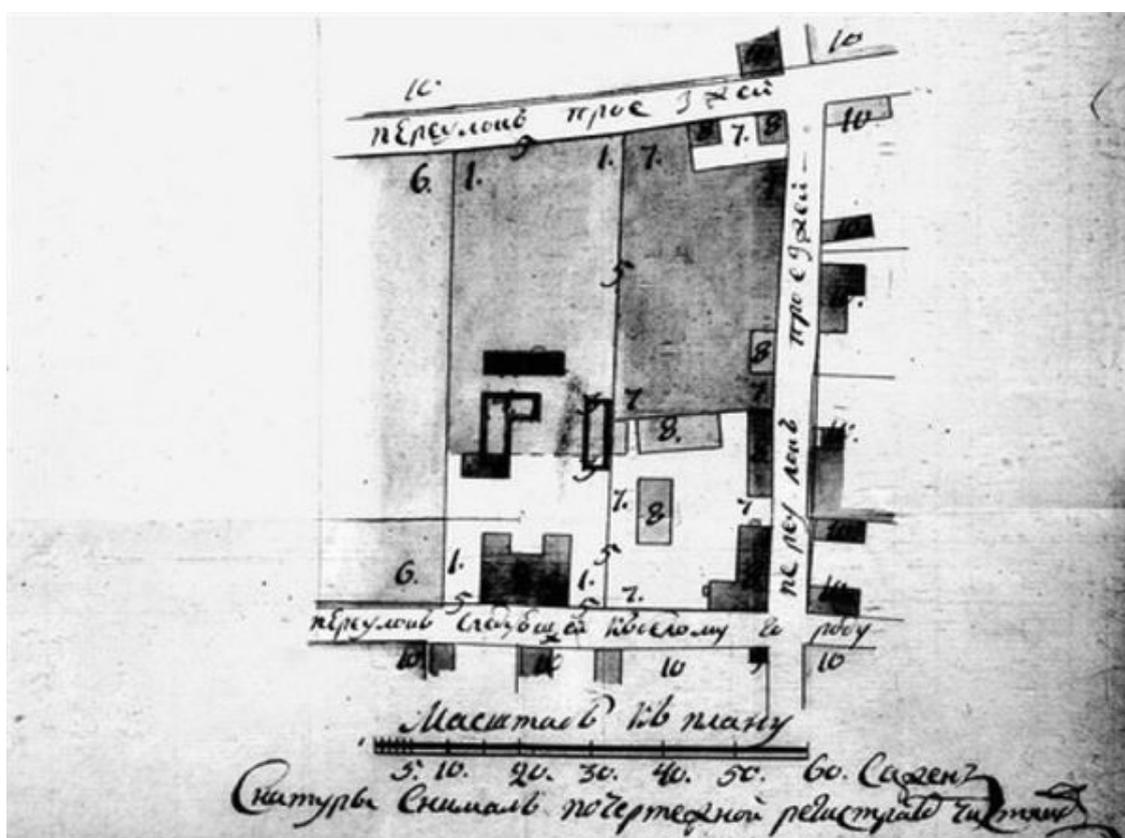
На второй этаж дворца ведет наружная лестница, что было характерным архитектурным приемом XVI–XVII вв. Это относится и к столовой палате – обязательному для подобных зданий парадному помещению. Нетрудно уловить в ней элементы, восходящие к Грановитой палате Московского Кремля. Высокий свод, освещенный с обеих сторон многочисленными окнами, напоминает гигантский купол.

Реконструкция 1892 г. (арх. Н.В. Султанов) в дань существовавшей тогда моде стилизовала здание «под старину», что заметно проявилось в пышном декоре, обильно покрывшем стены, в узорчатой кровле с флюгерами, оконницах и других элементах. В конце XIX в. запад-

ный корпус был надстроен третьим этажом (архитектор В.Д. Померанцев). Постройки заднего двора относятся к 1895 г., стилизованная чугунная ограда – к 1913 г.

В результате реставрации, длившейся с начала 1980-х гг. по 2008 г., восстановлены уникальные изразцовые печи начала XVIII в., стилизованные росписи, выполненные в конце XIX в. по эскизам художника Ф.Г. Солнцева, воссозданы паркетные и каменные полы и некогда полностью утраченные оконные витражи. Восстановлено и кровельное покрытие с декоративными дымоходами.

Первым известным по документам владельцем палат был богатый купец Чирьев, обосновавшийся в Москве в 1670-х гг. Затем хозяевами палат последовательно являлись сподвижники Петра I или вельможи, к ним приближенные: в начале XVIII в. палаты принадлежали дипломату, вице-канцлеру П.П. Шафирову, отправленному впоследствии за казнокрадство в ссылку. В 1723 г. конфискованные у Шафинова палаты перешли к графу П.А. Толстому, управляющему Тайной канцелярией, вынесшей приговор сыну царя Петра Алексею.

План двора действительного тайного советника князя Н.Б. Юсупова, 1802 г. (Центральный исторический архив Москвы)

Конец XIX в.

Толстого, в свою очередь, также сослали – на Соловки, в 1727 г. А хозяином здесь стал Алексей Волков, обер-секретарь Военной коллегии и ближайший помощник А.Д. Меншикова – новоиспеченного генералиссимуса и фактического правителя России с 1725 по 1727 гг. при малолетнем Петре II (*вспоминаются пушкинские строки о Меншикове из «Полтавы»: «Счастья баловень безродный, полудержавный властелин»*).

Но распоряжался палатами Волков недолго, – как только звезда Меншикова закатилась, сгустились тучи и над обер-секретарем. И вот уже князь Григорий Юсупов челом бьет Петру II, буквально выпрашивая себе волковские палаты. А Волкова в своем доносе-прошении он называет «согласником» во всех «непорядочных и худых проступках князя Меншикова». Прошение князя было удовлетворено. С 1727 г. Юсуповы владели палатами без малого два века – до 1917 г.

При Советской власти во дворце Юсуповых располагался президиум Академии сельскохозяйственных наук, здесь находился кабинет Николая Вавилова, а затем – Трофима Лысенко.

Потомок Григория Юсупова, дипломат, коллекционер и меценат, владелец усадьбы Архангельское князь Николай Борисович Юсупов (1750–1831) остался в истории как влиятельнейший вельможа при четырех царствованиях – от Екатерины II до Николая I. Юсупов часто бывал за границей, при Екатерине II служил посланником в Сардинии, Неаполе, Венеции, водил знакомство с Бомарше и Вольтером. А потому и собрание юсуповское наполнено было в большинстве своем иноземными предметами искусства – редкими и дорогими книгами, скульптурой, бесценными полотнами Рембрандта, Тьеполо, Ван-Дейка, Лоррена и других мастеров (многое из этого потомки князя успели вывезти из России в 1917 г.). Неудивительно, что среди многочисленных должностей Николая Борисовича было начальство над Эрмитажем и Оружейной палатой.

В 1810 г. Юсупов прикупил у Голицыных подмосковное Архангельское, написав при этом, что «Архангельское – не есть доходная деревня, а расходная, и для веселия, а не для

прибыли, то стараться в ранжереях, парниках, и грядках то заводить, что редко, и чтобы все было лучше, нежели у других <...> фрукты держать для продажи, хотя мало прибыли, но из них несколько сортов стараться иметь, чтобы щеголять и их показывать». Усадьба в Архангельском со всеми ее садами превратилась при Юсупове в подлинное собрание шедевров многих видов искусства.

Богатейший человек своего времени, Юсупов владел не только драгоценными предметами искусства, но и тридцатью тысячами крепостных душ в двадцати трех губерниях. Годовой доход его редко опускался ниже миллиона рублей. Имея такие барыши, Юсупов тем не менее сдавал свою недвижимость внаем. Просвещенность на равных уживалась в нем с жадностью до денег. Сдавал он и дом в Большом Харитоньевском переулке.

*Надежда Осиповна Пушкина
(работа Ксавье де Местра, 1800-е гг.)*

Среди нанимателей была и семья Пушкиных, жившая здесь с 24 ноября 1801 г. по 1 июня 1803 г. В то время здешнюю местность называли Огородной слободой, а эта часть Большого Харитоньевского переуллка была известна как Большая Хомутовка. Название слободе дали дворцовые огороды и поселения живших при них в XVII в. огородников. Со второй половины XVII в. на территории Огородной слободы селились по большей части купцы, представители высшего духовенства, московской знати.

*В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тетке,
Четвертый год больной в чахотке,*

Они приехали теперь.

Пушкин не раз мысленно обращался к детским годам, проведенным в Большом Харитоньевском переулке. И процитированные строки из седьмой главы «Евгения Онегина» – яркое тому подтверждение. Татьяна Ларина была поселена автором именно «у Харитонья в переулке», т. е. рядом с церковью св. Харитония, что и дала название переулку (построена в 1654 г., снесена в 1935 г.).

Поселившаяся здесь семья Пушкиных состояла из пяти человек: глава семьи Сергей Львович Пушкин (1770–1848), московский чиновник средней руки; его жена (с 1796 г.) Надежда Осиповна, урожденная Ганнибал (1775–1836); дети – Ольга (1797–1868), Александр и Николай (1801–1807).

Позже у Сергея и Надежды Пушкиных родилось еще пятеро детей. Из них выжил только Лев (1805–1852), остальные же – сыновья Михаил (1811), Павел (1810), Платон (1817–1819) и дочь Софья (1809) умерли в раннем возрасте.

В усадьбе Юсупова в начале XIX в. стояло три каменных дома, один из которых – средний – и был арендован Сергеем Львовичем Пушкиным. В результате более поздних перестроек дом стал частью одного большого здания. Сегодня это левое крыло дома № 21 (по другому мнению, Пушкины обретались в несохранившемся деревянном флигеле).

Юсуповский сад славился на всю Москву, садоводство на иноземный манер – английский или французский – было в ту пору в большой моде. Маленький Саша Пушкин проводил в саду князя большую часть времени.

«Сад был великолепный. У Юсупова была татарская страсть к плющу, прохладе и фонтанам и любовь парижского жителя к правильным дорожкам, просекам и прудам. Из Венеции и Неаполя, где он долго был посланником, он привез старые статуи с обвислыми задами и почерневшими коленями. Будучи по-восточному скуп, он ничего не жалел для воображения. Так в Москве, у Харитонья в Огородниках, возник этот сад, пространством более чем на десятину.

Князь разрешал ходить по саду знакомым и людям, которым хотел выказать ласковость; неохотно и редко допускал детей. Конечно, без людей сад был бы в большей сохранности, но нет ничего печальнее для суеверного человека, чем пустынный сад. Знакомые князя, сами того не зная, оживляли пейзаж. Пораженный Западом москвич шел по версальской лестнице, о которой читал или слышал, и его московская походка менялась. Сторожевые статуи встречали его. Он шел вперед и начинал, увлекаемый мерными аллеями, кружить особою стройною походкой вокруг круглого пруда, настолько круглого, что даже самая вода казалась в ней выпуклой, и, опустясь через час все той же походкой к себе в Огородники, он некоторое время воображал себя прекрасным и только потом, заслышав: «Пирог! Пирог!» или повстречав знакомого, догадывался, что здесь что-то неладно, что Версаль не Версаль и он не француз. Сад был открыт для няньки Арины с барчуками».⁴

⁴ Тьянгов Ю.Н. Пушкин. М., 1988.

*Сергей Львович Пушкин
(с портрета К.К. Гампельна, 1824 г.)*

Почти через четверть века после того, как Пушкины жили у Харитонья в Огородниках, в 1830 г. поэт принимается за автобиографию. Он набрасывает «Программу автобиографии», в которой описание своего детства он начинает именно отсюда: «Первые впечатления. Юсупов сад». И в это же время он сочиняет стихотворение «В начале жизни школу помню я», где рисует восхитительную картину сада:

проказил...

Стихотворение «К вельможе» было в штыки принято московскими литераторами. Николай Полевой, издатель «Московского телеграфа» вскоре ответил Пушкину обидным памфлетом «Утро в кабинете знатного барина». Александр Сергеевич критики не принял: «Пушкин говорил М.А. Максимовичу, что князю Юсупову хотелось от него стихов, и затем только он угощал его в своем Архангельском. – «Но ведь вы его изобразили пустым человеком!» – «Ничего! Не догадается!»». Пушкин смеялся над Полевым, который в известном послании «К вельможе» видел низкопоклонство»⁵.

⁵ Бартенев П.И. Рус. Арх., 1887, III, 454.

«На уроки танцевания к Трубецким» Покровка ул. 22

«Пушкин с сестрою учился танцевать в семействе князя И.Д. Трубецкого, на Покровке, близком к их дому и семейству. Княжны, ровесницы Пушкина, рассказывали мне, что Пушкин всегда смешил их своими эпиграммами, собирая их около себя в каком-нибудь уголку. В этом доме я имел честь видеть часто мать и сестру Пушкина около 1820 года. Сестра славилась своим умом, живостью и характером между своими подругами».

Михаил Погодин

Александр I. Рис. А.С. Пушкина

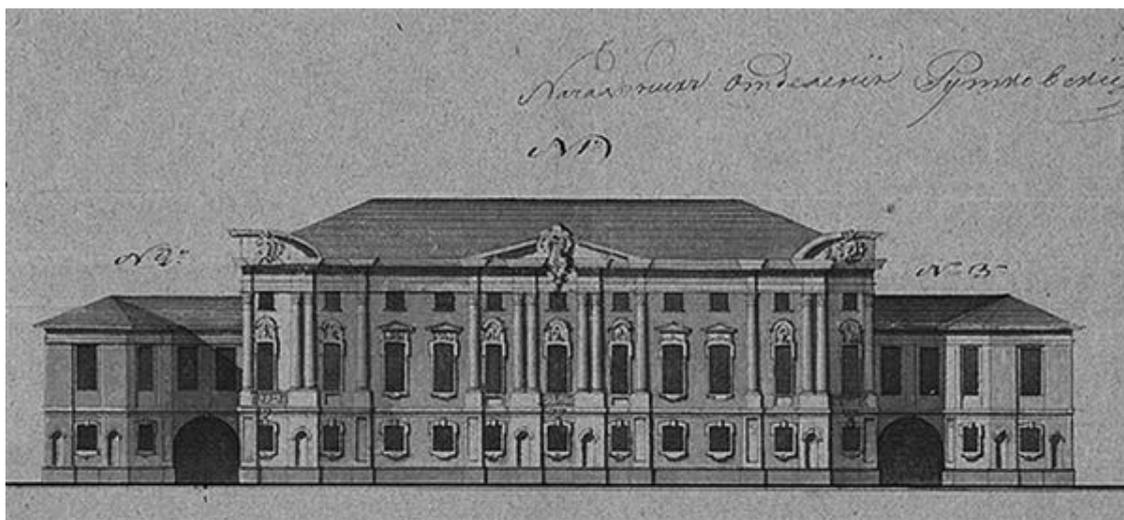
Усадьба Апраксиных-Трубецких. Здесь Александр и Ольга Пушкины бывали в детстве, в 1809–1810 гг. Ольга Сергеевна Пушкина, ставшая в 1828 г. в результате тайного и сокрытого (от отца) замужества Павлищевой, вспоминала в 1851 г., что «родители возили их на уроки танцевания к Трубецким (князю Ивану Дмитриевичу)». В детские годы Пушкина князь и действительный камергер Иван Дмитриевич Трубецкой жил в этом доме на Покровке до своей смерти в 1827 г. Трубецкой приходился троюродным дядей Александру Пушкину (по отцу Сергею Львовичу).

Вычурный и грузный внешний вид дома дал прозвище и его владельцам. Их прозвали «Трубецкие-Комод». Комодами звались все члены семьи Ивана Дмитриевича: его жена Екатерина Александровна, урожденная Мансурова, сыновья Николай, Юрий, дочери Аграфена, Александра и Софья.

Действительно, квадратный дом Трубецких напоминал современникам комод (хотя еще в конце XVIII в. его называли ни больше ни меньше как «московский Зимний дворец»). «Москва всех людей метила по-своему. Дом был комод, и Трубецкие стали Трубецкие-Комод, а старика Трубецкого звали уже просто Комод. Трубецкие-Комод жили в своем доме-комоде тремя поколениями; старик, крепконосый, сухой, был уже очень дряхл и глух; всем в доме распоря-

жалась дочь, сорокалетняя девица Анята. Александр часто встречал на прогулках Николиньку Трубецкого, гулявшего с гувернанткой. Они познакомились, тетка прислала Сергею Львовичу любезное письмо, и Александр стал бывать у Трубецких.

Николинька Трубецкой был мал ростом, ленив и толст, желт, как лимон. Старый дед доживал свой век и крепко зяб, поэтому зимою непрерывно топили, а летом не открывали окон. Слуги ходили по дому как сонные мухи. В комодке было тихо, душно и скучно. Казалось, и молодые вместе со стариком доживают свой век. Николинька не играл в мяч и не бегал запуски, он был сластена, лакомка, и нежная тетка его закармливала», – писал Юрий Тынянов. Интересно, что на танцевальных вечерах у Трубецких бывал и маленький Федор Тютчев, живший неподалеку, в Армянском переулке.

«Дом-комод» на Покровке в 1836 г.

(Центральный архив научно-технической документации Москвы)

Усадьба Апраксиных-Трубецких на Покровке сформировалась в результате покупки в 1764 г. графом Матвеем Федоровичем Апраксиным небольших соседних владений. На одном из них, в 1760 г. принадлежавшем поручику Крюкову, стояли каменные палаты (вероятно, 1-я половина XVIII в.). В 1766–1769 гг. были выстроены в центральной части участка главный дом в три этажа и два одноэтажных флигеля по бокам (предположительно по проекту арх. Д.В. Ухтомского, автора снесенных в 1930-е гг. Красных ворот). Восточный флигель был перестроен из упомянутых старых каменных палат Крюкова, поэтому и оказался длиннее западного.

В 1772 г. усадьбу приобрел князь Дмитрий Юрьевич Трубецкой, отец будущего «Комода» Ивана Дмитриевича. При нем в 1774–1775 гг. строительство было завершено, Западный флигель, прежде короткий, был достроен; высота обоих флигелей была увеличена еще на один этаж. По задумке князя Трубецкого флигеля соединили с главным домом переходами, после расширенными (до 1803 г.). В торце восточного флигеля разместилась парадная лестница.

В 1783 г. парадный двор усадьбы был замкнут в глубине двухэтажным корпусом с проездом посередине, уже в советское время этот корпус надстроили третьим этажом.

«Дом-комод» на Покровке является не только хорошо сохранившимся памятником пушкинской Москвы, это еще и редкий, совершенно необычный памятник русской архитектуры позднего барокко второй половины XVIII в., единственный в своем роде.

«Дом-комод» в наше время

Вспомним, что расцвет барокко, характеризующегося такими свойствами, как грандиозность и пышность, патетическая приподнятость и пристрастие к эффектным зрелищам, совмещение иллюзорного и реального, пришелся на гораздо более ранний период – 1-ю половину XVIII в., а с 1760-х гг. этот стиль вытесняется классицизмом. Вот почему дом на Покровке еще до превращения его в «комод» прозвали «московским Зимним дворцом», построенным Растрелли в 1754–1762 гг. также в стиле барокко. Динамичная ордерная композиция, рисунок деталей, уникальное для Москвы богатство оформления «дома-комода» напоминают самые знаменитые дворцовые здания того времени.

Однако русское барокко не знает таких объемно-пространственных решений в архитектуре жилых зданий. Даже петербургские дворцы 1750–1760-х гг. строились на прямоугольных планах. Что же касается «дома-комода», то его криволинейные помещения разной формы и размера составляют основу планировки, а изгибы их стен непосредственно выражены в объеме здания. Эти выступы, в частности, подчеркнуты колоннами с характерным для эпохи сложным ритмом их повторения. На угловых выступах колонны и фронтоны ориентированы диагонально, что усиливает пластическое богатство здания. Крупные наличники и пышная лепнина почти целиком заполняют стены, особенно со стороны двора. Архитектурная ценность «дома-комода» как памятника русского зодчества подчеркивается и необычной для жилого здания деталью – лепными раковинами в нишах первого этажа.

Торжественную парадность развернутому вдоль улицы усадебному ансамблю придают флигеля. Их продольные фасады, более сдержанные, отделаны уже в формах раннего классицизма. И в этом – яркая иллюстрация перехода от одного архитектурного стиля к другому. К настоящему времени замыкающий корпус усадьбы сохранил лишь сводчатый центральный проезд; боковые здания на узком заднем дворе полностью перестроены.

Богатый интерьер дома-комода характеризуется не только многообразием помещений, но и их сложными, прихотливыми сочетаниями, что позволяет провести аналогию с увеселительными павильонами, навевающую некоторые приемы рококо.

В начале XIX в. дом сильно пострадал во время пожара, но, несмотря на это, основная планировка дома сохранилась. К этому времени относится и оформление уникального овального зала.

Внутри «дома-комода» есть на что посмотреть. Это и нарядные декоративные колонны, и высокие двери ампирного рисунка, и прямые и вогнутые угловые печи, облицованные изразцами второй половины XIX в. (интересно, что до середины прошлого века в доме было печ-

ное отопление), и чугунные лестницы (заменившие деревянные во второй половине XIX в.). В советское время была утрачена интереснейшая винтовая лестница в юго-западном крыле здания⁶.

С этим домом связана занятная старомосковская легенда о тайном браке Алексея Разумовского с императрицей Елизаветой, произошедшем на следующий год после того, как в ночь на 25 ноября 1741 г. гвардия возвела дочь Петра Первого на царский престол. Влюбленные приехали в Москву, где тайно обвенчались в церкви Воскресения в Барашах (Покровка, 26; постр. в 1652 г., в советские годы значительно пострадала). В подтверждение тайного брака московские старожилы указывали на выточенную из дерева позолоченную царскую корону, водруженную якобы в честь этого венчания на куполе Воскресенской церкви. Теперь, к сожалению, и самой короны нет, как нет и возможности удостовериться в ее существовании.

Но главным результатом все сметающей на своем пути страсти Елизаветы должен был явиться ее подарок Разумовскому – роскошный дворец на Покровке, заказанный ею придворному архитектору Бартоломео Растрелли. Легенда красивая. Однако за правдоподобность ее поручиться трудно, т. к. свадьба если и была, то значительно раньше даты возведения дома.

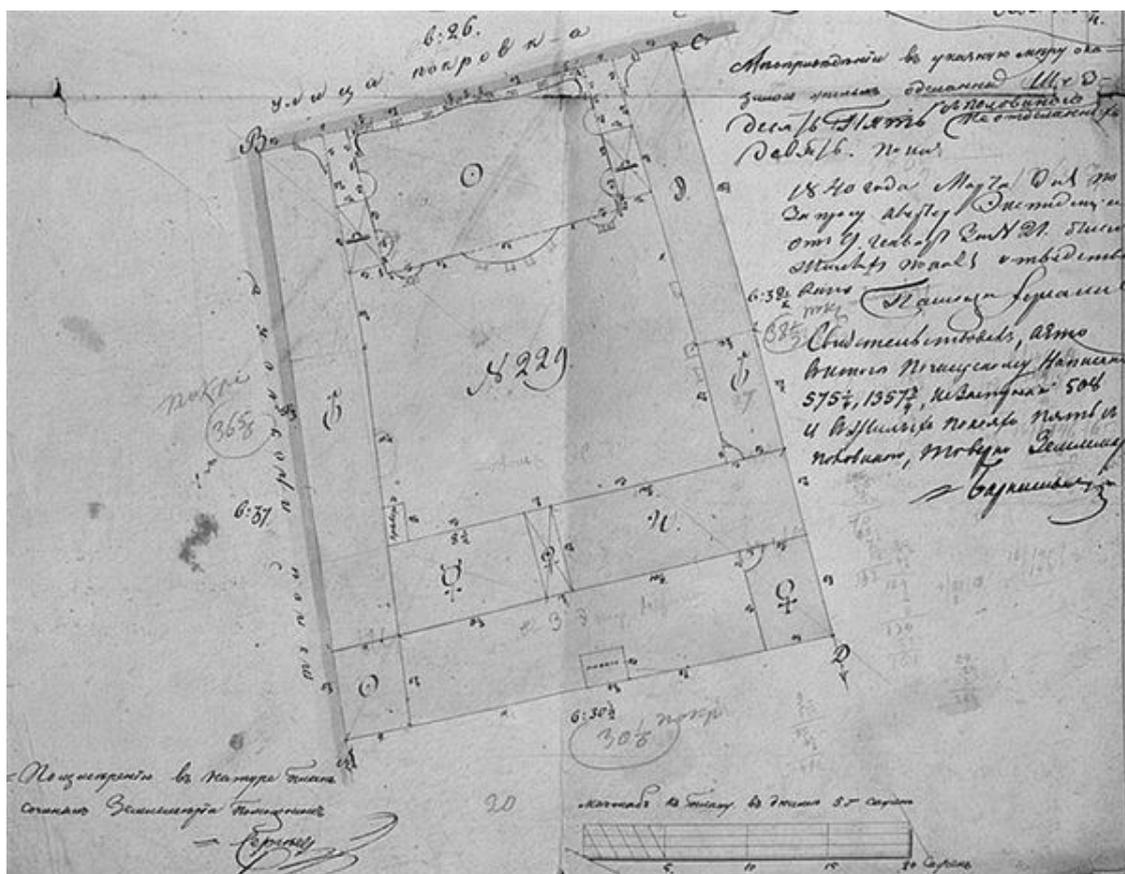
С гораздо большей долей вероятности (чем в случае с тайным браком) можно утверждать, что Пушкин бывал в «доме-комоде» не только в детстве, но и гораздо позже, после возвращения в Москву. С 1825 г. управляющим делами и именными у Трубецких служил Василий Дмитриевич Корнильев (1793–1851), в прошлом коллежский асессор и регистратор канцелярии Министерства юстиции.

Сегодня можно лишь догадываться о том, насколько эффективным управляющим он был, – как свидетельствовали современники, бывший коллежский асессор Корнильев жил на Покровке на широкую ногу и даже давал здесь обеды, обычно по вторникам. Пообедать заходили литераторы пушкинского круга: Баратынский, Погодин и другие. Михаил Погодин, между прочим, бывал здесь и в качестве домашнего учителя семьи Трубецких, об интересе к стихам Пушкина своего ученика Николеньки Трубецкого он писал в своем дневнике.

Управляющий пригласил к себе на обед Пушкина, скорее всего, после возвращения поэта в Москву из ссылки. Недаром же в сентябре 1826 г. Корнильев присутствовал у князя Вяземского на чтении Пушкиным «Бориса Годунова». Встречались они и раньше – у Карамзиных в 1818 г.

Здесь же на Покровке встречала гостей и жена Корнильева, дочь командора Биллингса, исследователя Сибири и Севера, участвовавшего в третьей кругосветной экспедиции Джеймса Кука. Было у Василия Дмитриевича и другое существенное родство. Он приходился дядей Дмитрию Ивановичу Менделееву. Старшая сестра химика Екатерина Ивановна часто бывала у дяди-управляющего. Видели здесь и самого Дмитрия Ивановича. Считается также, что он несколько лет прожил здесь, пользуясь гостеприимством дяди, в 1849–1850 гг. (по другой версии, ученый жил в другом доме Корнильева – в Уланском переулке на Сретенке, куда тот переехал после отставки у Трубецких).

⁶ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989.

План дома князя И.Д. Трубецкого, 1825 г.
(Центральный архив научно-технической документации Москвы)

С середины XIX в. в усадьбе помещалась Четвертая мужская гимназия, основанная в 1849 г. для подготовки к поступлению в Московский университет. Ранее гимназия занимала дом Пашкова. Когда же в 1861 г. дом Пашкова передали Румянцевскому музею, университет приобрел для гимназии «дом-комод», где она и располагалась вплоть до 1917 г.

Гимназия была классической, высшего разряда, с двумя древними языками: латынью и греческим. Она выделялась своим преподавательским составом. Многие учителя, являясь авторами учебников, по ним же и преподавали свои дисциплины. Физику преподавал К.Д. Краевич, автор учебника, словесность – Л.И. Поливанов, математику – А.Ф. Малинин и К.П. Буренин.

Среди выпускников – будущие режиссер К.С. Станиславский, философ Вл. С. Соловьев, ученый-механик Н.Е. Жуковский, меценат С.Т. Морозов, филолог А.А. Шахматов, писатели Н.Н. Евреинов и А.М. Ремизов, певец, солист Большого театра П.А. Хохлов, антрополог Н.Ю. Зограф, зоолог С.А. Зернов.

После Октябрьского переворота 1917 г. усадьбу заполнили те, кого в пушкинское время и на порог бы не пустили, – представители победившего пролетариата. Пролетарии обосновались прямо в овальном зале, где некогда обучали танцам Александра и Ольгу Пушкиных. А «дом-комод», «памятник зрелой гражданской архитектуры», приспособили под коммунальные квартиры. С дровами в первые революционные зимы в Москве было плохо, поэтому новые жильцы сильно мерзли в просторных барских покоех.

С 1924 г. тут находилось общежитие студентов Московского института инженеров транспорта.

После Великой Отечественной войны здесь вновь стали учить танцам, – часть помещений была отдана под Дворец пионеров (первое слово лучше подходит «дому-комоду», чем, напри-

мер, общежитие). Среди пионеров были будущие поэтесса Белла Ахмадулина и театральный художник Валерий Левенталь. В 1958 г. в здании открылся «Дом комсомольцев и школьников» Бауманского района г. Москвы.

В середине 1960-х гг. к пионерам и комсомольцам подселили научных работников, – во дворец въехал научно-исследовательский институт ВНИИ геофизики. Тогда наконец-то была проведена первая научная реставрация памятника: его фасадам вернули первоначальный облик середины XVIII столетия.

Дворец на Покровке сегодня с успехом мог бы использоваться в культурно-просветительских целях, здесь можно было бы открыть галерею, музей, концертный зал. Но все это реально только после реставрации и приведения в порядок этого уникального памятника московской архитектуры.

«В московском саду графа Бутурлина» Госпитальный пер. 4а/2

«Ему было десять лет. Александр знал теперь Москву. Знал и переулки, где дома были подслеповаты, как старички, сидевшие тут же, на скамеечках, и нарядный Кузнецкий мост, и широкую Тверскую – дома там были большие, просторные, почти все в два этажа. Дрожки и кареты стояли у подъездов; мужики бойко торговали пирогами. Во французской лавке на Кузнецком мосту блистали яркие шелка. Детей начали воспитывать по-новому. Сергей Львович, побывав у Бутурлиных, Суиковых и еще у кой-кого, однажды вдруг обнаружил, что благородных детей учат танцам».

Юрий Тынянов. «Пушкин»

Няня Арина Родионовна. Рис. А.С. Пушкина

Усадьба Бутурлиных (XVIII в.). Здесь в 1809–1810 гг. Пушкин часто бывал у Бутурлиных – дальних родственников его матери. В усадьбе жили граф Дмитрий Петрович Бутурлин (1763–1829) – библиофил, сенатор – и его жена Анна Артемьевна, урожденная Воронцова (1777–1854). Она приходилась троюродной сестрой матери Пушкина Надежде Осиповне. Отец Бутурлиной Артемий Иванович Воронцов стал крестным отцом Александра Пушкина. Дети Бутурлиных, – сыновья Михаил и Петр, дочери Елена, Елизавета, Мария и Софья – приходились четверюродными братьями и сестрами Пушкину.

Сохранилось свидетельство поэта и литературоведа М.Н. Макарова, видевшего маленького Александра Пушкина у Бутурлиных: «Когда это было, в 1810, 1811 и в какую именно пору, право, этого хорошенько и точно я теперь сказать не могу. Тридцать лет назад – порядочная работа для памяти человеческой.

Однако ж я очень помню, что в этот год, да, именно в этот, когда я узнал Александра Сергеевича Пушкина, я, начиная с октября или с ноября месяца, непременно, как по должности, каждосубботно являлся к графу Дмитрию Петровичу Бутурлину.

Молодой Пушкин, как в эти дни мне казалось, был скромный ребенок; он очень понимал себя; но никогда не вмешивался в дела больших и почти вечно сживал как-то в уголочке, а иногда стаивал, прижавшись к тому стулу, на котором угораздился какой-нибудь добрый оратор, басенный эпиграммист, а еще чаще подле какого же нибудь графчика чувств; этот тоже читывал и проповедовал свое; и если там или сям, то есть у того или другого, вырывалось что-нибудь превыспренне-пиитическое, забавное для отрока, будущего поэта, он не воздерживался от улыбки. Видно, что и тут уж он очень хорошо знал цену поэзии.

Однажды точно, при подобном же случае, когда один поэт-моряк провозглашал торжественно свои стихи и где как-то пришлось:

*И этот кортик,
и этот чертик! —*

Александр Сергеевич так громко захохотал, что Надежда Осиповна, мать поэта Пушкина, подала ему знак – и Александр Сергеевич нас оставил. Я спросил одного из моих приятелей, душою преданного настоящему чтецу: «Что случилось?» – «Да вот шалун, повеса!» – отвечал мне очень серьезно добряк-товарищ. Я улыбнулся этому замечанию, а живший у Бутурлиных ученый-француз Жиле дружески пожал Пушкину руку и, оборотясь ко мне, сказал: «Чудное дитя! как он рано все начал понимать! Дай Бог, чтобы этот ребенок жил и жил; вы увидите, что из него будет». Жиле хорошо разгадал будущее Пушкина; но его «дай Бог» не дало большой жизни Александру Сергеевичу.

В теплый майский вечер мы сидели в московском саду графа Бутурлина; молодой Пушкин тут же резвился, как дитя, с детьми. Известный граф П... упомянул о даре стихотворства в Александре Сергеевиче. Графиня Анна Артемьевна (Бутурлина), необыкновенная женщина в светском обращении и приветливости, чтобы как-нибудь не огорчить молодого поэта, может быть, нескромным словом о его пиитическом даре, обращалась с похвалою только к его полезным занятиям, но никак не хотела, чтоб он показывал нам свои стихи; зато множество живших у графини молодых девушек, иностранок и русских, почти тут же окружили Пушкина со своими альбомами и просили, чтоб он написал для них хоть что-нибудь. Певец-дитя смешался. Некто NN, желая поправить это замешательство, прочел детский катрен поэта, и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи. Александр Сергеевич успел только сказать: «Ah! mon Dieu», – и выбежал.

Дмитрий Петрович Бутурлин

Я нашел его в огромной библиотеке графа Дмитрия Петровича; он разглядывал затылки сафьяновых фолиантов и был очень недоволен собою. Я подошел к нему и что-то сказал о книгах. Он отвечал мне: «Поверите ли, этот г. NN так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затылков».

Вошел граф Дмитрий Петрович с детьми, чтоб показать им картинки какого-то фолианта. Пушкин присоединился к ним, но очень скоро ушел домой.

В детских годах, сколько я помню Пушкина, он был не из рослых детей и все с теми же африканскими чертами физиономии, с какими был и взрослым, но волосы в малолетстве его были так кудрявы и так изящно завиты африканскою природою, что однажды мне И.И. Дмитриев сказал: «Посмотрите, ведь это настоящий арабчик». Дитя рассмеялось и, оборотясь к нам, проговорило очень скоро и смело: «По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчик». Рябчик и арабчик оставались у нас в целый вечер на зубах».

Последний эпизод из записок Макарова о его знакомстве с Пушкиным относится скорее всего к 1809 г., т. к. в этом году И.И. Дмитриев уже переехал в Петербург. Пушкин в своем каламбуре «арабчик-рябчик» уколол маститого поэта в отместку за его реплику – у Дмитриева было рябое лицо.

Витиеватая внешность смуглого Пушкина уже тогда отличала его от кучи сверстников, порождая разного рода толки. Вдохновляла она и поклонников поэта: «В каждом негре я люблю Пушкина и узнаю Пушкина», – писала Марина Цветаева в 1937 г. в очерке «Мой Пушкин».

Некогда территория усадьбы была куда более обширной, нежели сейчас. На плане 1759 г. главный дом – одноэтажный, с мезонином, который в 1805 г. был надстроен вторым деревянным этажом. Перед домом находился парадный двор с каменными флигелями по бокам. Вход в усадьбу был обозначен воротами посреди чугунной ограды. На воротах, естественно, львы.

Со второй трети XVIII в. усадьбой владела семья Корфов: Иоганн Корф, камергер двора императрицы Анны Иоанновны, затем с 1759 г. – его сын генерал-поручик Н. Корф. Последующие хозяева усадьбы менялись как перчатки – статский советник Ф.Г. Швет, адмирал И.Л. Талызин (с 1767 г.), с 1780 г. – камер-юнкер князь И.П. Тюфякин. И, наконец, в 1789 г. усадьба перешла к графу Д.П. Бутурлину, прикупившему в 1794 г. соседний участок у камер-советника прусского короля Генриха Никласа.

Родословная у графа Бутурлина была наизнатнейшая. Графское достоинство в 1760 г. получил еще его дед – бывший денщик Петра I, генерал-фельдмаршал Александр Борисович Бутурлин. Детство и молодость Бутурлина пришлось на екатерининскую эпоху.

В 1765 г. отец Дмитрия Петровича был назначен посланником в Испанию; вскоре после смерти матери его отдали на воспитание к дяде, графу А.Р. Воронцову, впоследствии государственному канцлеру. Была у Бутурлина и крестная мать – императрица Екатерина Великая, одарившая крестника при рождении чином сержанта гвардии. При выходе из кадетского

корпуса Бутурлина определили адъютантом к князю Г.А. Потемкину-Таврическому. Затем он служил по Министерству иностранных дел.

*Иван Иванович Дмитриев о Пушкине:
«Посмотрите, ведь это настоящий арабчик!» (с портрета кисти В.А. Тропинина,
1835 г.)*

Крестная, следившая за карьерой Бутурлина, могла бы немало поспособствовать его дальнейшему продвижению, если бы не вредный ветер перемен из Франции, навевший молодому графу всякого рода либеральные идеи. «Увлёкшись в молодости либеральными теориями, вызвавшими Французскую революцию, отец умолял императрицу отпустить его в Париж, в чем она ему отказала и за что он, рассердившись, оставил службу и переехал на жительство в Москву», – писал сын Д.П. Бутурлина Михаил.

*Саша Пушкин о Дмитриеве: «Лучше быть арабчиком, чем рябчиком»
(акварель С.Г. Чирикова, 1810-е гг.)*

В 1810 г., как раз в то время, когда Пушкин удивлял Бутурлиных своими первыми стихами, внуком Екатерины II Александром I именованным высочайшим указом по придворной конторе было «повелено поручить в рассмотрение имеющееся в Эрмитаже собрание картин» графу Бутурлину. Выбор Бутурлина на пост директора Эрмитажа оказался не случаен. Современникам граф был известен «глубокой и разносторонней ученостью, иностранцев удивлял своим энциклопедическим всеведением». Бутурлин вслед за Горьким мог бы повторить, что всеведению этому он обязан книгам. Книгам, которые он собирал долгие годы.

Библиотека, в которой мемуарист Макаров застал маленького Пушкина, была главным делом жизни Дмитрия Бутурлина. Граф, обладавший хорошим вкусом и огромным состоянием, составил в своем московском доме уникальное книжное собрание, равного которому не было еще в нашем отечестве. Сорок тысяч томов – все, что издавалось в России и Европе. С большим изыском покупал он для себя и самые редкие издания.

В его доме находились, например, книги, отпечатанные первыми европейскими типографиями с 1470 г. до конца XVI в. Были в собрании и рукописные памятники – например, личная переписка короля Генриха IV. Часть библиотеки Бутурлин отправил в свое калужское имение, и потому эти издания сохранились. Но гораздо больше книг осталось в его московской усадьбе, сгоревшей в 1812 г. вместе со всем содержимым. Обратились в пепел и книги в сафьяновых переплетах, когда-то заворожившие «Сашку» Пушкина.

Неудивительно, что именно такого человека император и назначил директором Эрмитажа. Только вот большую часть времени Бутурлин проводил в Москве, а не в Петербурге. И потому следов от его руководства осталось в истории музея мало. Его больше занимало создание своего собственного, домашнего Эрмитажа, по ценности отдельных экспонатов во много раз превосходившего императорский.

В 1817 г., сославшись на нездоровье, Бутурлин оставил должность директора Императорского Эрмитажа и выехал во Флоренцию, где занялся любимым делом – опять приступил к собиранию личной библиотеки. На этот раз он собрал тридцать три тысячи книг. Впоследствии в конце 1830-х гг. это собрание было продано на парижском аукционе за очень большие деньги.

Сад Бутурлина, в котором резвился маленький Александр Сергеевич, также был известен своей красотой и соперничал с юсуповским, что в Огородной слободе. Английский путешественник Кларк писал: «Библиотека, ботанический сад и музей Бутурлина замечательны не только в России, но и в Европе». По воспоминаниям Михаила Бутурлина, «сад доходил до реки Яузы и примыкал одним боком к улице и мосту, ведущим к военному госпиталю. При доме тянулся ряд оранжерей и теплиц с экзотическими растениями».

Усадьба сильно пострадала от пожара 1812 г., долго стояла в развалинах. «Помню, как матушка, – писал М. Бутурлин, – роясь в груде развалин и перегоревшего мусора, подбирала обломки любимых Севрских чашек, темно-синих, но превратившихся в черный колер... В числе вещей, остававшихся в нашем доме весной 1812 года, было несколько пудов столового серебра, и если бы оно сгорело, то слитки попадались бы в пепле; но ни соринки серебра не нашлось. Это и есть одно из доказательств, что пожар сопровождался грабежом». Наконец, наследники графа в 1831 г. через два года после его смерти продали весь участок купцу первой гильдии В.А. Розанову, а в 1875 г. бывшая усадьба перешла к купцам Кондрашовым, выстроившим перед главным домом двухэтажные флигеля для ткацких мастерских. В 1887 г. главный дом был перестроен по проекту архитектора И.П. Херодинова.

«Сказка о попе и работнике его Балде». Рисунок А.С. Пушкина

1826

«Василья Львовича узнал ли ты манер?» Старая Басманная ул. 36

8 сентября 1826 г. Пушкин приехал в Москву через пятнадцать лет после того, как покинул родной город. Поселился поэт в гостинице «Европа» на Тверской улице (дом не сохранился). 1 ноября Пушкин выехал в Михайловское, а 19 декабря вновь вернулся в Москву и жил на квартире у Сергея Соболевского на Собачьей площадке (дом не сохранился).

Дом П.В. Кетчер (построен после 1819 г. на месте сгоревшего), в котором в 1826 г. жил Василий Львович Пушкин, дядя Александра Сергеевича. В ту пору фасад дома выделялся своим дорическим четырехколонным портиком. В конце XIX в. внешний вид здания изменился, исчезли и барельефы с фасада.

Василий Львович Пушкин совершенно не походил на одного всем известного пушкинского дядю, что жил в романе «Евгений Онегин» и был «самых честных правил». Настоящий дядя Пушкина в деревне почти никогда не жил, а обитал, в основном, в Москве, по которой мог пройти с закрытыми глазами.

8 сентября 1826 г. на Старую Басманную к «любезнейшему из всех дядей-поэтов здешнего мира», как окрестил его Пушкин еще в 1816 г., племянник совершил свой первый московский визит (не считая, конечно, аудиенции в Кремле у Николая I).

Викентий Вересаев в книге «Пушкин в жизни» приводит интересный факт, согласно которому в тот день у дяди Пушкин встретился со своим давним другом Сергеем Соболевским (1803–1870), которому суждено было стать главным доверенным лицом поэта в Москве (в свой следующий приезд в Москву 19 декабря 1826 г. Пушкин поселится именно у Соболевского на Собачьей площадке).

Встреча друзей случилась так. Недалеко от дома дяди стоял особняк князя Куракина. «Самое то время, когда царская фамилия и весь двор, пребывавшие тогда в Москве по случаю коронации, съезжались на бал к французскому чрезвычайному послу, маршалу Мармону, в великолепный дом кн. Куракина на Старой Басманной... Один из самых близких друзей Пушкина (С.А. Соболевский), узнавши на бале у французского посла, от тетки его Е.Л. Солн-

цевой, о неожиданном его приезде, отправился к нему для скорейшего свидания в полной бальной форме, в мундире и башмаках...

Соболевский застал Пушкина за ужином. Тут же, еще в дорожном платье, Пушкин поручил ему на завтрашнее утро съездить к известному «американцу» графу Толстому с вызовом на поединок. К счастью, дело уладилось: графа Толстого не случилось в Москве, а впоследствии противники помирились». О причинах несостоявшейся дуэли мы еще расскажем.

Дмитриев, Карамзин, Батюшков, Пушкин – в таком порядке назвали имена лучших поэтов России в 1810-х гг. Причем Пушкин – Василий Львович. Поэтическая слава фамилии Пушкиных разнеслась по России еще до того, как впервые проклюнулся талант Александра Пушкина. Его младший брат Левушка с гордостью говорил друзьям по Благородному пансиону: «Я – родной племянник Василья Львовича!».

Владислав Ходасевич нарисовал весьма нелюбимый портрет пушкинского дяди: «Был у Сергея Львовича старший брат, Василий Львович. Наружностью они были схожи. Оба имели рыхлые пузатые туловища на жидких ногах, волосы редкие, носы тонкие и кривые; у обоих острые подбородки торчали вперед, а губы сложены были трубочкой. У Василия Львовича были вдобавок редкие и гнилые зубы».

Не пощадил фигуру Василия Львовича и Юрий Тынянов, выведя его тщеславным фанфароном, «с косым брюхом и короткими ногами», да еще и косоглазым «от природы». Характеристики даны с такими подробностями, будто бы писались с натуры. Почему-то особенно не понравились процитированным литераторам ноги Василия Львовича.

Насколько внешний облик этого человека соответствовал его «морально-нравственным» качествам? Таким ли был Василий Львович Пушкин (1766–1830), поэт-карамзинец, критик, библиофил и театрал, ветеран литературных войн, член литературного общества «Арзамас» по кличке «Вотрушка»?

*Вид Москвы от церкви Никиты Великомученика на Старой Басманной.
(Худ. Мур Джордж Белтон, 1835 г.)*

Московский уроженец, служил он в Измайловском полку, из которого в 1797 г. гвардии поручиком вышел в отставку. Более нигде не числился и не работал, полностью отдавшись сочинению элегий, басен, экспромтов и прочих поэтических миниатюр. Переломным моментом в его биографии стал вояж за границу в 1803–1804 гг., вызвавший немало толков в кругах «московской общественности».

Баснописец Иван Дмитриев отозвался на сие событие ироническим стихотворением «Путешествие N.N. в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия» (уже в самом названии – издевка). Под инициалами N.N. автор вывел шаржированный образ Василия Львовича, хвастающего читателю:

*Друзья! сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе...
Мой маленький журнал читать...
...
Я вне себя от восхищенья!
В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фраки! Панталоны!
Всему новейшие фасоны!*

После возвращения «оттуда» авторитет Василия Львовича начал расти как на дрожжах. Он «был в блеске и славе, признанный поэт и московский ветреник», – писал Тынянов. Он не только приедлся в Париже, произведя настоящий фурор среди московских модниц, но и привез с собою ю ценнейшую библиотеку, сразу ставшую пределом мечтаний записных библиофилов, и даже графа Д.П. Бутурлина. Потянулся к книжным полкам дяди и подрастающий кучерявый племянник.

«Про него говорили: «с'est un Poete!!!», с каким благоговением я стал смотреть на него!!! Это было первое впечатление; впоследствии меня привлекли к нему рассказы о Париже, Напо-

леоне, других знаменитостях, с которыми меня знакомили книги; сверх того, он стал обращать внимание на меня, учил меня громко читать, как читывал Тальма, и сцены из французских трагиков, и «Певца» Жуковского, и оду Карамзина «Конец победам, богу слава», и даже слушал и поправлял мои вопросы! Как же мне было не любить этого доброго Василья Львовича?», – вспоминал Соболевский.

Наполеона Василий Львович и вправду видел, удостоившись у него приема: «Мы были в Сен-Клу представлены первому консулу. Физиогномия его приятна, глаза полны огня и ума; он говорит складно и вежлив. Аудиенция продолжалась около получаса».

Не только сверстники Пушкина, но и дамы более сознательного возраста с придыханием внимали доброму Василию Львовичу (во многих мемуарах той поры имя и отчество его неразрывно упоминаются с прилагательным «добрый»): ведь он захватил с собою из Франции еще и рецепты парижских ресторанов.

Как и его брат Сергей, твердой преданностью семейным устоям Василий Львович не отличался. Разведясь в июле 1806 г. с Капитолиной Михайловной Вышеславцевой, согласия церкви на второй брак он не получил (причина развода – измена первой жене, в которой он сам же письменно и признался). Поэтому со следующей женой – вольноотпущенной Анной Николаевной Ворожейкиной – жил он гражданским браком. С ней же он и выехал в Петербург летом 1811 г., когда повез племянника для определения его в Царскосельский лицей.

*Василий Львович Пушкин
(с портрета работы И.-Е. Вивьен де Шатобрена, 1823 г.)*

В том же году Василий Львович прославился на поэтической ниве, написав фривольно-сатирическую поэму «Опасный сосед», чрезвычайно быстро в списках разошедшуюся по московским салонам. В ней он изобразил так знакомую ему жизнь «кофейного» дома, его доступных обитательниц и гостей, фамилия одного из которых (Буянов) вскоре стала нарицательной. Местом действия поэмы (всего-то в несколько страниц) автор избрал Москву, сложив в одну стезю «Кузнецкий мост и вал, Арбат, и Поварскую».

С восторгом встретили коллеги-литераторы постукавшегося в дверь «Опасного соседа». «Вот стихи! Какая быстрота, какое движение! И это написала вялая муза Василия Львовича!», – сострил Константин Батюшков. Ему в стихотворной форме вторил Евгений Баратынский:

Плодятся без усилия,

*Горят, горят, задорные стихи,
И складные страницы у Василья
Являются в тетрадах чепухи.*

Остроумная и долгое время «неудобная для печати» поэма, в которой автор по ходу дела еще и осмеял противников Карамзина, на родине была напечатана лишь в начале двадцатого века (а за границей – еще в 1815 г.!). Наложение цензурой вето на официальную публикацию «Опасного соседа» не только не мешало, а, напротив, способствовало росту популярности поэмы. Так обычно и бывает в подобных случаях.

Кажется, что одним из первых читателей неприличной поэмы дяди стал двенадцатилетний племянник Александр. Когда вскоре после приезда Пушкиных в Петербург в 1811 г. Иван Дмитриев пригласил к себе в гости Василия Львовича, то добрый дядюшка захватил с собою и племянника. Мальчика попросили выйти на время чтения взрослых стихов, на что дерзкий Саша ответил: «Зачем вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышал».

Всего через четыре года в стихотворении «Городок» в 1815 г. лицеист Пушкин напишет: «И ты, замысловатый Буянова певец, в картинах толь богатый и вкуса образец». В дальнейшем Александр Сергеевич не раз хвалил «Опасного соседа», говоря о том, что эта поэма так хороша, оригинальна и есть самое лучшее из всего дядей сочиненного. А однажды его спросили – не тот ли он Пушкин, что написал эту поэму? Было это в 1821 г. И. Липранди вспоминал, что вопрос этот вызвал у Александра Сергеевича досаду и огорчение.

Быть может, поэтому Александр Сергеевич пригласил главного действующего персонажа «Опасного соседа» по фамилии Буянов на страницы своего романа «Евгений Онегин». Перекочевавший Буянов стал, в самом деле, гостем романа, попав сразу на бал к Лариным:

*Сергей Александрович Соболевский
(с портрета кисти А.П. Брюллова, 1832 г.)*

*Мой брат двоюродный Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком).*

Двоюродный брат – так Пушкин обозначает свое «непрямое родство» с этим персонажем, подчеркивая сей факт для сомневающихся. Ведь породил Буянова родной дядя поэта, Василий Львович.

Василий Львович не мог не повлиять на формирование Пушкина-поэта: маленький Саша, в детстве часто слушая его стихи, «затвердил некоторые наизусть и радовал тем почтенного родственника», – вспоминал его отец. Племянник отдал должное дяде уже в 1815 г., написав, что «с музами сосватал» его «дядюшка-поэт» («К Дельвигу»).

В марте 1816 г. Василий Львович вместе с Карамзиным и Вяземским навестили лицеиста Пушкина. Вскоре после этого посещения Пушкин пишет дяде стихотворное послание: «Христос воскрес, питомец Феба» (Феб – один из эпитетов древнегреческого бога Аполлона как божества света).

Эпистолярный диалог продолжил Василий Львович, в письме от 17 апреля назвав племянника «братом по Аполлону». Пушкин собрался ему ответить на это письмо лишь в январе 1817 г. стихотворно-прозаическим посланием «Тебе, о Нестор Арзамаса» (5 стихов этого послания распространялись в лицейских списках как самостоятельное произведение под названием «Дяде, назвавшему сочинителя братом»):

*Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт, —*

*Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный Вот!
Тебе, мой дядя, в новый год
Веселья прежнего желанье
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье.*

«Нестором Арзамаса» величает Пушкин дядю как самого старшего арзамасца (старшего годами, но не талантом, что проявлялось в добродушно-ироничном к нему отношении); «Вот», «Вотрушка» – прозвище Василия Львовича среди арзамасцев. Красноречиво и название еще одного стихотворения, обращенного к В.Л. Пушкину, – «Скажи, парнасский мой отец» (1817). На этом разговор поэтов закончился. А вскоре стало ясно, что племянник заткнул дядю за пояс. И в том памятном для Москвы сентябре 1826 г. на Старой Басманной жил уже не «Пушкин», а «дядя Пушкина».

Дядя Александра Сергеевича был также активным участником литературных сражений между шишковистами и карамзинцами. И если бы за это участие раздавали награды, то он получил бы орден. «В те годы словесность уже разделилась на два враждующих стана. В Петербурге старик Шишков собрал вокруг себя приверженцев русского направления и готов был их вести войной на Москву: там засели карамзинисты, которых он обвинял в порче русского языка и чуть не в измене отечеству. Сам Карамзин относился к Шишкову снисходительно и спокойно; кое в чем он был даже готов признать за Шишковым правоту и, уклоняясь от боя, сдерживал слишком рьяных своих приверженцев, из которых Василий Львович кипятился всех более: боялся, что его не заметят. Ему предоставили постреливать во врага эпиграммами. Кажется, шишковистам было всего обиднее то, что против них выпускают именно Пушкина. Сам же он был чрезвычайно горд»⁷.

А в августе 1830 г. Александр Сергеевич простался с умиравшим Василием Львовичем, присутствуя при его последних минутах. Поэт принял на себя расходы и хлопоты, связанные с похоронами дяди на кладбище Донского монастыря. Отпевали Василия Львовича в церкви св. Никиты Мученика на Басманной (1750-е гг., арх. Д.В. Ухтомский).

Как вспоминал присутствовавший на похоронах М.Н. Макаров, «Дмитриев, подозревая причиной кончины Василия Львовича холеру, не входил в ту комнату, где отпевали покойника. Александр Сергеевич уверял, что холера не имеет прилипчивости, и, отнесясь ко мне, спросил: «Да не боитесь ли и вы холеры?» Я отвечал, что боялся бы, но этой болезни еще не понимаю. «Не мудрено, вы служите подле медиков. Знаете ли, что даже и медики не скоро поймут холеру. Тут все лекарство один соугае, соугае (*фр.* смелей), и больше ничего». Я указал ему на словесное мнение Ф.А. Гильтебранта, который почти то же говорил. «О да! Гильтебрантов не много», – заметил Пушкин. Именно так было, когда я служил по делам о холере. Пушкинское магическое слово соугае спасло многих от холеры.

С приметною грустью молодой Пушкин шел за гробом своего дяди; он скорбел о нем, как о родственнике и как о поэте». Пушкину сопутствовали Вяземский, Погодин, Языков, братья Полевые и многие другие, так высоко оценившие когда-то «Опасного соседа»...

Кончина дяди подкосила Пушкина скорее материально, чем морально: на следующий день после сего печального события, 21 августа, поэт отписал Е.М. Хитрово: «В довершение всех бед и неприятностей только что скончался мой бедный дядюшка Василий Львович. Надо признаться, никогда еще ни один дядя не умирал так некстати. Итак, женитьба моя откладывается еще на полтора месяца, и бог знает, когда я смогу вернуться в Петербург». «Некстати» –

⁷ Ходасевич В.Ф. О Пушкине. М., 1937.

означало то, что Пушкин опять попал в кредиторскую зависимость (похоронить в Донском монастыре и тогда стоило дорого). Своему будущему родственнику – деду невесты Афанасию Гончарову, живущему в Полотняном заводе – Пушкин жалуется 24 августа 1830 г.: «Смерть дяди моего, Василья Львовича Пушкина, и хлопоты по сему печальному случаю расстроили опять мои обстоятельства. Не успел я выйти из долга, как опять принужден был задолжать».

Вспоминал ли Пушкин в тот печальный день о том, как в июньский полдень 1811 г. вся семья провожала его в Петербург? Тетушка Анна Львовна, утирая слезы, сунула племяннику сторублевую купюру – «на орехи». Не успела коляска миновать пределы Москвы, как дядюшка Василий Львович забрал у мальчика деньги, выдав ему взамен всего три рубля и посулив вручать Александру деньги по частям. Память у Василия Львовича оказалась короткой...

После смерти дяди племянник однажды все вспомнил его в стихах, поздравляя в 1831 г. Вяземского с почетным знаком камергера:

*Любезный Вяземский, поэт
и камергер...
(Василья Львовича узнал ли ты
манер?
Так некогда письмо он начал
к камергеру,
Украшенну ключом за верность
и за веру).*

Несмотря на то, что здание отмечено мемориальной доской с надписью «Александр Сергеевич Пушкин бывал в этом доме у своего дяди, поэта В.Л. Пушкина», ряд пушкинистов, однако, высказывают определенные сомнения в том, что А.С. Пушкин приехал к Василию Львовичу именно в этот дом, ибо с октября 1824 г. Василий Львович имел собственный дом, оставленный ему по завещанию сестры Анны Львовны, находившийся на той же улице по соседству (№ 28). Но в любом случае встреча их произошла на Старой Басманной.

Церковь св. Никиты Мученика на Басманной, где на отпевании дяди 23 августа 1830 г. присутствовал А.С. Пушкин

А этот маленький, обшитый деревянными досками домик, приютившийся на старой московской улице, стал еще одним московским музеем – музеем Василия Львовича Пушкина, тем более что значительная часть интерьера дошла до нашего времени в хорошей степени сохранности. Сохранилась угловая печь в гостиной, остатки дубовых полов и искусственного мрамора, украшавшего стены гостиной, и даже филенчатые двери. Все это привели в порядок московские реставраторы.

«Октября 12 поутру, спозаранку мы ожидали Пушкина» Кривоколенный пер. 4

Усадьба Веневитиновых. Дом, очевидно, возведен в 1760-х гг. на основе еще более ранних старинных палат, перестраивался в конце XVIII века, в 1830-х и в 1920–1930-х гг.

Особняк стал собственностью богатой дворянской семьи Веневитиновых в 1803 г., когда его приобрел глава семейства, прапорщик Владимир Петрович Веневитинов (ум. в 1814 г.). Его жена Анна Николаевна, урожденная Оболенская (1782–1841), родила ему четверых детей: Алексея (1806–1872), Дмитрия (1805–1827), Петра (1799–1812) и Софью (1808–1877). Поскольку княжна Оболенская находилась в родственных отношениях с семьей Пушкиных, то сам Александр Сергеевич Пушкин приходился ее детям четвероюродным братом.

Вполне вероятно, что Пушкин познакомился с семьей Веневитиновых еще в отрочестве. Как и он, дети Веневитиновых бывали на популярных в 1800-х гг. в Москве детских праздниках, устраивавшихся в доме Трубецких на Покровке.

Дети рано остались без отца, воспитывала их в основном мать. Именно благодаря ей они получили классическое домашнее образование, изучили французский, латынь, греческий языки. А Дмитрий Веневитинов рано увлекся немецкой философией и романтической поэзией.

Братья Веневитиновы – воспитанники Московского университета, по окончании которого они поступили на службу в Московский архив Министерства иностранных дел в Хохловском переулке, где в 1823 г. сформировался литературно-философский кружок «Общество любомудрия». Членами кружка состояли многие друзья Веневитиновых и близкие им по духу люди – В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, С.П. Шевырев. Вскоре младший брат Дмитрий стал бессменным секретарем общества.

«Любомудры» собирались в доме Веневитиновых в Кривоколенном переулке. Увлечение Дмитрия Веневитинова немецкой философией в значительной степени способствовало философской ориентации кружка. Члены общества изучали сочинения Б. Спинозы, И. Канта, И.Г. Фихте, Л. Окена и особенно Ф.В. Шеллинга, они повлияли на формирование диалектики и философии искусства в России. Печатались «любомудры» в журнале «Вестник Европы» и альманахе «Мнемозина», который совместно с Одоевским в 1824–1825 гг. издавал В.К. Кюхельбекер. Кружок прекратил свое существование после восстания декабристов в 1825 г.

В сентябре 1826 г. по возвращении Пушкина в Москву возобновилось его личное общение с братьями Веневитиновыми. Александр Сергеевич неоднократно бывал у своих четвероюродных братьев в Кривоколенном. Дмитрий Веневитинов был интересен Пушкину и как автор критической статьи о первой главе «Евгения Онегина», принесшей молодому критику известность в литературных кругах. По словам Алексея Веневитинова, Пушкин говорил, что статья его младшего брата – «единственная, которую он прочел с любовью и вниманием. Все остальное – или брань, или переслащенная дичь».

И потому, наверное, 10 сентября 1826 г. Дмитрия Веневитинова позвал Пушкин на первое чтение «Бориса Годунова» у Соболевского. А вот Михаила Погодина не пригласил. И не только его, многие хотели попасть в число избранных. «Веневитинова чрез Соболевского зовет Пушкин слушать «Годунова» ввечеру. Веневитинов, верно, спрашивал у Соболевского, нельзя ли как-ни-будь *faire* пригласить меня и, верно, получил ответ отрицательный. Мне больно или завидно», – сетовал Погодин в тот день в дневнике.

Лишь 11 сентября Погодина «допустили» к Пушкину в этом доме: «Мы с вами давно знакомы, – сказал он мне, – и мне очень приятно утвердить и укрепить наше знакомство нынче». Пробыл минут пять – превертлявый и ничего не обещающий снаружи человек».

Всего «Борис Годунов» читался автором в ту осень в Москве пять раз. Алексей Веневитинов вспоминал о том, как 25 сентября и 12 октября 1826 г. Пушкин читал поэму и у них. И если бы среди слушателей не было Погодина, мы не узнали бы сегодня о том, что произошло в тот октябрьский день:

«Октября 12 поутру, спозаранку мы ожидали Пушкина. В 12 часов он является. Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно... Кровь приходит в движение при одном воспоминании. Надо припомнить, – мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихах Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которых все мы знали наизусть. Учителем нашим был Мерзляков. Надо припомнить и образ чтения стихов, господствовавший в то время. Это был распев, завещанный французской декламацией... Наконец, надо представить себе самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрец высокого искусства, – это был среднего роста, почти низенький человек, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми быстрыми глазами, с тихим приятным голосом, в черном сюртуке, в темном жилете, застегнутом наглухо, в небрежно повязанном галстуке. Вместо высокопарного языка богов мы услышали простую, ясную, обыкновенную и между тем пиитическую, увлекательную речь! Первые явления выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием всех ошеломила. Мне показалось, что мой родной и любезный Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена, мне послышался живой голос русского древнего летописца. А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков «да ниспошлет господь покой его душе страдающей и бурной», мы просто все как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Кто вдруг вскочит с места, кто вскрикнет. То молчание, то взрыв восклицаний, например, при стихах Самозванца:

Тень Грозного меня усыновила,

*Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла.*

Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления... Явилось шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше волнение. Он начал нам, поддавая жару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью по Волге на остроносой своей лодке, предисловие к «Руслану и Людмиле»: «У лукоморья дуб зеленый...» – начал рассказывать о плане для Дмитрия Самозванца, о палаче, который шутит с чернию, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского, о Марине Мнишек с Самозванцем, сцену, которую написал он, гуляя верхом, и потом позабыл вполчину, о чем глубоко сожалел. О, какое удивительное то было утро, оставившее следы на всю жизнь. Не помню, как мы разошлись, как докончили день, как улеглись спать. Да едва ли кто и спал из нас в эту ночь».

А 13 октября 1826 г. Пушкин присутствовал здесь на чтении трагедии А.С. Хомякова «Ермак». Причем чтение это состоялось по инициативе Пушкина.

Дмитрий Веневитинов активно содействовал сближению Пушкина с молодыми московскими литераторами и привлечению его к сотрудничеству в журнале Погодина «Московский вестник», одним из наиболее деятельных участников которого был он сам. В 1824–1826 г. Веневитинова часто можно было встретить на Тверской, в салоне Зинаиды Волконской, которой он страстно поклонялся. Волконская не ответила взаимностью (разница в возрасте у них была шестнадцать лет), но оценила по достоинству чувства молодого поэта. Как-то в один из вечеров Волконская подарила Веневитинову на память старинный перстень, найденный при раскопках Геркуланума. Он решил надеть этот перстень или на свадьбу, или перед смертью.

Этому перстню Веневитинов посвятил стихотворения «Завещание» и «К моему перстню», в последнем он писал:

*Когда же я в час смерти буду
Прощаться с тем,
Что здесь люблю,
Тогда я друга умолю,
Чтоб он с моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снимал,
Чтоб нас и гроб не разлучал.*

Глубокое и неразделенное чувство к Волконской явилось одной из причин отъезда Веневитинова в Петербург в октябре 1826 г. После чего Дмитрию Веневитинову и Александру Пушкину уже не суждено было свидеться. При въезде в Петербург Веневитинов был арестован по подозрению в причастности к заговору. Проведя три дня под арестом, он заболел. После этого в марте, возвращаясь легко одетым с бала, Веневитинов сильно простудился и вскоре умер. «Как вы допустили его умереть?» – передавали современники восклицание Пушкина, узнавшего о смерти двадцатидвухлетнего поэта.

*Дмитрий Владимирович Веневитинов
(с портрета работы П.Ф. Соколова, 1827 г.)*

Исполняя волю Веневитинова, друзья «в час смерти» на его руку надели перстень Волконской. Когда в 1930 г. прах Веневитинова переносили из Симонова монастыря на Новодевичье кладбище, будущей женой реставратора Петра Барановского Марией Юрьевной был найден и знаменитый перстень из Геркуланума. Он хранится ныне в Литературном музее.

Через сто лет в этом доме состоялось уникальное собрание, посвященное тому давнему чтению «Бориса Годунова». Поэт Александр Галич вспоминал: «В зале, где происходило чтение, мы и жили. Жили, конечно, не одни. При помощи весьма непрочных, вечно грозящих обрушиться перегородок зал был разделен на целых четыре квартиры – две по правую сторону, если смотреть от входа, окнами во двор, две по левую – окнами в переулок, и между ними длинный и темный коридор, в котором постоянно, и днем и ночью, горела под потолком висевшая на голом шнуре тусклая электрическая лампочка. Окна нашей квартиры выходили

во двор. Вернее, даже не во двор, а на какой-то удивительно нелепый и необыкновенно широкий балкон, описанный в воспоминаниях Погодина о чтении Пушкиным «Бориса Годунова»...

Передо мной на столе лежат пожелтевшая от времени программа и пригласительный билет на закрытое заседание Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности, посвященное столетней годовщине чтения Пушкиным «Бориса Годунова» у Веневитиновых. Программки были отпечатаны тиражом всего в шестьдесят экземпляров. И то это было много, потому что торжественное заседание происходило не где-нибудь, а в нашей квартире – в одной из тех четырех квартир, что были выгорожены из зала веневитиновского дома. И хотя квартира наша состояла из целых трех комнат, комнаты были очень маленькими, и как разместились в них шестьдесят человек – я до сих пор ума не приложу. Все, однако же, каким-то непостижимым образом разместились. В воскресенье двадцать четвертого октября (двенадцатого по старому стилю) тысяча девятьсот двадцать шестого года состоялся этот незабываемый для меня вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.